

Михаил ЕЛИСЕЕВ

НЕВЗДОМАЯ
РУСЬ

ВОЙНЫ И БИТВЫ СКНФОВ

Неведомая Русь

Михаил Елисеев

Войны и битвы скифов

«ВЕЧЕ»

2016

Елисеев М. Б.

Войны и битвы скифов / М. Б. Елисеев — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-8580-4

Знак информационной продукции 12+ Когда начинается разговор о скифах, то первое, что приходит на ум, – не достижения этого древнего легендарного народа в искусстве и хозяйственной деятельности, а такие понятия, как «скифская война» и «малая война». Скифы долгое время оставались непобедимы. Даже такие великие цари и полководцы, как персидские владыки Кир II и Дарий I, и даже Александр Македонский, ничего не смогли с ними сделать. Их военные походы против скифов закончились в лучшем случае безрезультатно, а в худшем – стоили жизни. И только Митридату Евпатору, царю Понта, удалось подчинить своей воле этот непокорный свободолюбивый народ. Но произошло это тогда, когда наступил закат скифской эпохи и от былой военной мощи скифов остались только воспоминания. О наиболее известных войнах скифов, их необычной стратегии и тактике эта книга.

ISBN 978-5-4444-8580-4

© Елисеев М. Б., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

От автора	6
I. Кровавый пролог	8
Кто рассказал потомкам о скифах?	8
Тактика и вооружение	14
Походы в Азию	21
II. Голова Кира Великого	29
Почему персы пошли войной на скифов?	29
Царь Кир против царицы Томирис	37
Печальные итоги	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Елисеев

Войны и битвы скифов

© Елисеев М. Б., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

От автора

И не только в Европе, но даже и в Азии нет народа, который сам по себе мог бы устоять против скифов, если бы они были едины.

Фукидид

Когда начинается разговор о скифах, то первое, что приходит на ум, – не достижения этого народа в искусстве и хозяйственной деятельности, а такие понятия, как «скифская война» и «малая война». Народ скифы долгое время оставался непобедим. Даже такие великие цари и полководцы, как персидские владыки Кир II и Дарий I, а также Александр Македонский, ничего не смогли с ними сделать. Их военные предприятия против скифов закончились в лучшем случае безрезультатно, а в худшем – стоили жизни. И только Митридату Евпатору, царю Понта, удалось подчинить этот народ своей воле. Но произошло это тогда, когда наступил закат скифской эпохи и от былой военной мощи скифов остались только воспоминания.

Скифская тактика и стратегия поражали воображение современников. Внезапные нападения и стремительные отступления, заманивание врага в глубину своей территории и изматывание его войск, грамотное использование географических и климатических условий, а затем, когда противник ослаблен, атака всеми силами и сокрушительный разгром – вот главные элементы военного искусства этого народа. И так исторически сложилось, что, когда сами скифы канули в Лету, их боевые традиции остались жить, и не просто жить, а оказывать существенное влияние на ход мировой истории. Достаточно вспомнить войны римлян с парфянами и крестоносцев с сарацинами.

Примечательно, что армии, против которых воевали скифы, исповедовали совершенно разные тактические приемы. Если говорить о персах, то мы увидим, что у них в войсках преимущественно использовались отряды лучников и метателей дротиков, причем это относится как к коннице, так и к пехоте. Отряды панцирной кавалерии и тяжелых пехотинцев (включая элитный корпус «бессмертных») были тем самым костяком армии, опираясь на который действовали легковооруженные войска. Персы были прекрасными стрелками из лука, многие из них обучались этому искусству с детства, и им было чем ответить скифам. К тому же армии первых персидских царей были достаточно мобильными и могли успешно противостоять скифским конным лучникам. Однако тем не менее два больших похода против скифов закончились для персов весьма плачевно, и дело здесь уже не в организации войск, а правильно выбранной стратегии.

Совсем по другому принципу была создана военная организация Александра Македонского. Говорить о том, что македонцы и их союзники превосходили скифов в стрельбе из лука, не приходится, но в армии Александра мобильные войска всегда были на ведущих ролях. Знаменитая пеонийская кавалерия, легкая фракийская конница, кавалерийские отряды азиатских союзников были грозной силой. А наемные критские лучники славились на все Восточное Средиземноморье. Если к этому добавить, что сам Великий Македонец был полководцем, равному которому не знала история, то шансы скифов в грядущем противостоянии сводились к минимуму. Но тем не менее...

Что же касается армии Митридата VI Евпатора, то она была симбиозом как македонской военной школы, так и боевых традиций Ахеменидов. Классическая эллинистическая армия Востока. Наряду с фалангой в ней применялись боевые колесницы, а закованная в доспехи кавалерия действовала вместе с многочисленными легковооруженными контингентами, набравшимися в восточных областях царства Митридата. С другой стороны, те же скифы и сарматы в качестве наемников воевали под знаменами Евпатора. Но все же главной

причиной победы царя Понта над скифами стала не гениальность понтийских стратегов, а то, что сама Скифия уже катилась к закату. Оттеснённые сарматами в Крым, скифы, зажатые на полуострове, не могли уже вести ту маневренную войну, к которой привыкли. Некуда стало отступать, негде стало маневрировать. Да и наличие столицы – Неаполя Скифского – заставляло их воевать по-другому. А в лобовом столкновении против армии Митридата, как выяснилось, шансов у скифов не было.

И в заключение хотелось бы отметить вот что. Цель данной работы была вполне конкретная – показать те войны и битвы, в которых стратегия и тактика скифов проявилась особенно ярко. В некоторых главах мне показалось необходимым более подробно рассказать о тех царях и полководцах, которые воевали со скифами, и дать краткое описание вооружения и тактики находившихся под их командованием армий. Это было сделано для того, чтобы было более понятно, с кем же пришлось иметь дело легендарному народу и почему их победы произвели столь яркое впечатление на современников и потомков.

Историю скифов, их повседневную жизнь, обычаи, а также многочисленные проблемы, связанные с появлением этого народа и его исчезновением, я не рассматривал. Тому, кто хочет подробно об этом узнать, есть смысл прочитать книгу С. В. Алексеева и А. А. Инкова «Скифы: исчезнувшие владыки степей» – там всё описано ясно и доступно.

Моя книга о скифах первый раз выходила в 2012 году. Для данного издания я практически переписал текст заново, убрав оттуда все сомнительные пассажи, которые в своё время были вставлены в текст по настоянию издательства. Также работа была значительно расширена, в частности, я посчитал необходимым сделать главу о битве на реке Фат. Было привлечено значительно больше источников и научных монографий. В работе над книгой существенную помощь оказали материалы сайта «Митридат Евпатор и Боспор».

I. Кровавый пролог

Кто рассказал потомкам о скифах?

Я буду придерживаться общепринятых мнений.
Геродот

Наиболее полную информацию о жизни, обычаях и истории скифов мы получили от двух античных авторов – Геродота из Галикарнасса (484–425 до н. э.) и Марка Юниана Юстина (III в. н. э.).

Город Галикарнасс (современный Бодрум), основанный дорийцами на территории Малой Азии в VIII в. до н. э., был родиной «отца истории» Геродота. В наши дни у северной стены замка Святого Петра ему стоит памятник – Великий грек изваян в полный рост и сжимает в руке свиток. Геродот вёл активную политическую жизнь, был изгнан из города, некоторое время жил на острове Самос, а затем отправился путешествовать по миру. Он побывал в Египте, Ассирии, Вавилоне, Малой Азии, Северном Причерноморье, Фракии, исколесил Балканский полуостров от Пелопоннеса до Македонии. Во время своих странствий он начинает работу над «Историей». К этому выводу можно прийти исходя из следующего факта – когда в 446 г. до н. э. Геродот появится в Афинах, то будет читать отрывки из своего труда гражданам города. Но в Афинах историк долго не задержится. Его неугомонная натура не сможет усидеть на одном месте, и в 444 г. до н. э. он отправляется в Южную Италию, где принимает участие в основании колонии Фурия.

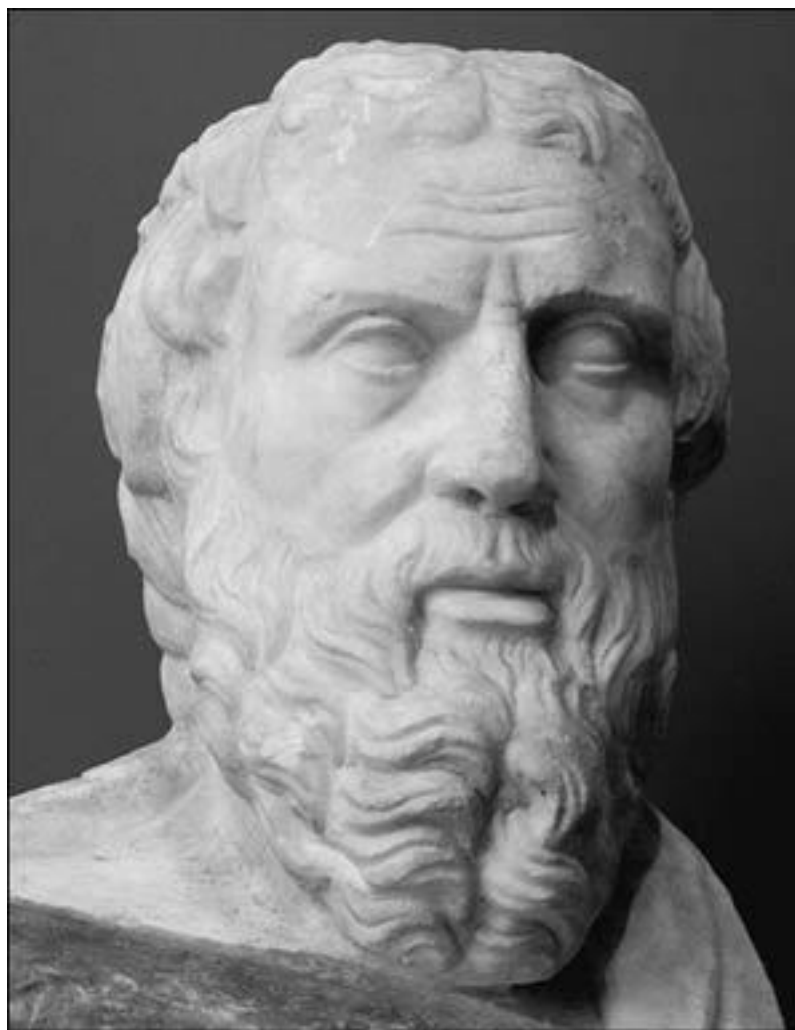

Рис. 1. Геродот. Национальный музей Рима. Фото Marie-Lan Nguyen

Труд Геродота «История» является не просто хроникой изложения исторических событий, в нём приведена масса сведений по географии и этнографии. Также автор рассматривает многие мифы и связанные с ними события, пытаясь разобраться, что в них является правдой, а что вымыслом. «История» Геродота как бы подразделяется на две части – в первой рассказывается об истории и географии стран Малой Азии, Ближнего Востока и Северного Причерноморья, а также история возвышения персидских царей. Вторая половина труда посвящена изложению греко-персидских войн, от Марафона до битвы при Платеях. Повествование о Скифии он помещает в четвёртой книге под названием «Мельпомена», где и рассказывает об обычаях, верованиях и быте этого народа в контексте похода персидского царя Дария I. Любопытен подход историка к этой теме – невзирая на оголтелый национализм эллинов, к скифам он старается подойти более-менее объективно, выделяя их на фоне остальных «варваров».

Другой важный источник по интересующей нас теме – это «Эпитама сочинения Помпея Трога “Historiae Philippicae” римского историка Марка Юниана Юстина, жившего в III в. н. э. Юстин был автором извлечения из не дошедшего до нас обширного исторического труда в 44 книгах раннего римского историка Помпея Трога. Трог жил на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. и написал сочинение, которое называлось «История Филиппа» («Historiae Philippicae»). Оно было посвящено отцу Александра Великого, царю Филиппу II. В «Истории Филиппа» рассматривались походы Александра Македонского, войны диадохов и эпигонов, а также противостояние римлян с эллинистическими монархиями Востока. Примечательно, что в

работе над своей «Историей» Помпей Трог пользовался источниками, которые отражали точку зрения врагов Рима, и это делает его произведение особенно ценным. К сожалению, от 44 книг ничего не сохранилось, за исключением «Прологов», в которых приводится краткое содержание глав «Истории Филиппа» и извлечений Марка Юниана Юстина.

Извлечение Юстина содержит обзор всемирной истории, но основное внимание он уделяет истории македонской, которую он рассматривает от мифических времен до I в. до н. э. Повествование Юстина отличается простотой и доступностью изложения, включает в себе много интересного, но при этом не следует тщательной хронологической последовательности событий. Марк Юниан, подвергнув труд Помпея Трога основательной переработке, подобно Плутарху, заостряет главное внимание на описании наиболее занимательных и поучительных фактов. Пусть иногда и недостоверных, но верно передающих колорит эпохи. Ценность этой работы трудно переоценить, так как она доносит до нас уникальную информацию, которую невозможно найти у других античных авторов.

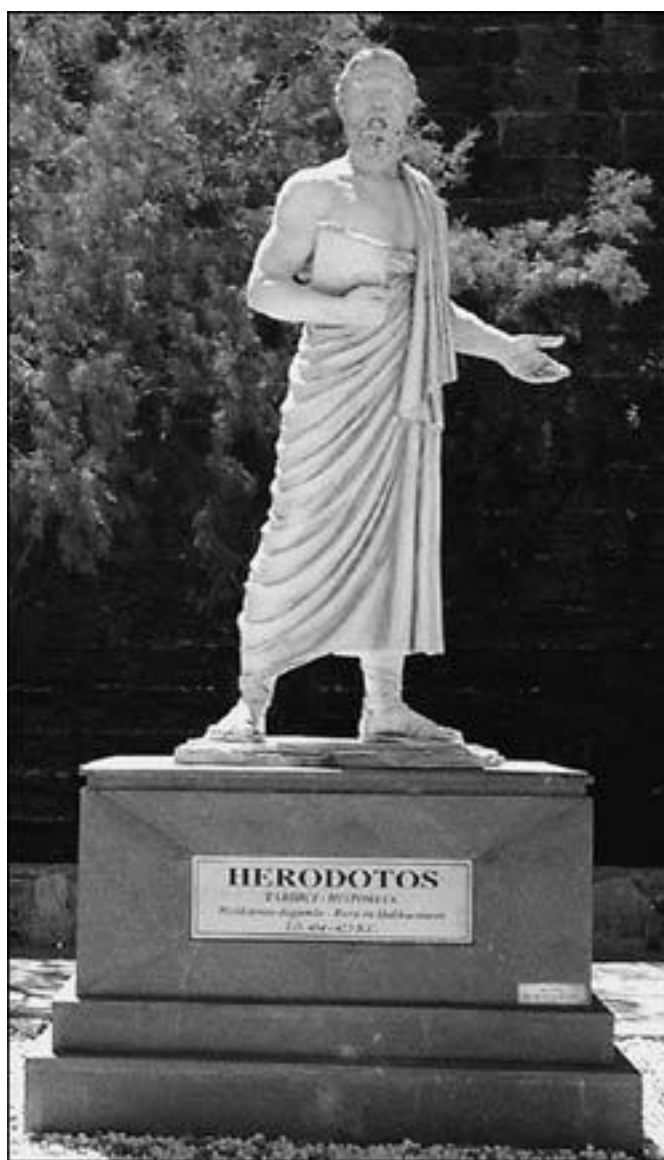

Рис. 2. Памятник Геродоту в Бодруме (античный Галикарнасс). Фото автора

Но для нас главное то, что Юстин уделяет значительное внимание скифам. Именно у него мы находим те ценнейшие сведения, о которых Геродот не знал или не счёл нужным

упомануть. Это, прежде всего, касается похода Кира Великого против «азиатских» скифов, когда автор даёт чёткую привязку к местности, где состоялось последнее сражение легендарного завоевателя. Помимо этого, Марк Юниан сообщает некоторые факты из древней истории этого народа. Например, это он донёс до нас версию Помпея Трога о большей древности скифов по отношению к египтянам. Также римлянин назвал имена первых скифских царей и указал на связанные с ними исторические события.

Сведения о скифах есть в сочинении другого римского историка, Орозия Павла, жившего в 380–420 г. н. э. в провинции Галлеция на территории Пиренейского полуострова. Его «История против язычников в семи книгах» охватывает события с древнейших времён до 417 г. н. э. Но дело в том, что при написании своего произведения историк пользовался как источником работой Юстина, и его сведения во многом дублируют сообщения из «Истории Филиппа».

Ценнейшие известия о географии и истории Северного Причерноморья содержатся в работе греческого историка и географа Страбона (64–24 до н. э.). Его «История» до наших дней не дошла, зато «География» в 17 книгах сохранилась почти полностью. Сам учёный был родом из Амасии¹, города, который с 281 г. до н. э. по 183 г. до н. э. был столицей Понтийского царства. Родственники Страбона входили в ближайшее окружение последнего великого эллинистического правителя – Митридата VI Евпатора. Во время войн царя с Римом один из предков географа перебежал на сторону завоевателей, и в итоге он сам и его потомки получили римское гражданство. Для изучения истории скифов интерес представляет VII книга «Географии» (Истр, Германия, Таврика, Скифия), где Страбон рассказывает о Тавриде и окружающих её народах. Помимо географических и этнографических данных, в этом разделе встречаются исторические сведения, которые отсутствуют в других источниках. Например, информация о походах понтийского стратега Диофанта против скифов.

Подробные сведения о войне скифов с Александром Македонским мы находим у римского историка и географа Луция Флавия Арриана. Это тот самый Арриан, который написал «Анабасис Александра». Родился Арриан между 87 и 90 гг. н. э., умер между 169 и 180 гг. н. э. Уроженец города Никомедия в Малой Азии², он занимал ряд высших должностей в Римской империи. Был римским наместником Каппадокии в 131–137 гг. н. э., где зарекомендовал себя грамотным полководцем и разумным администратором.

¹ Амасия – современный турецкий город Амасья.

² Никомедия – современный турецкий город Измит.

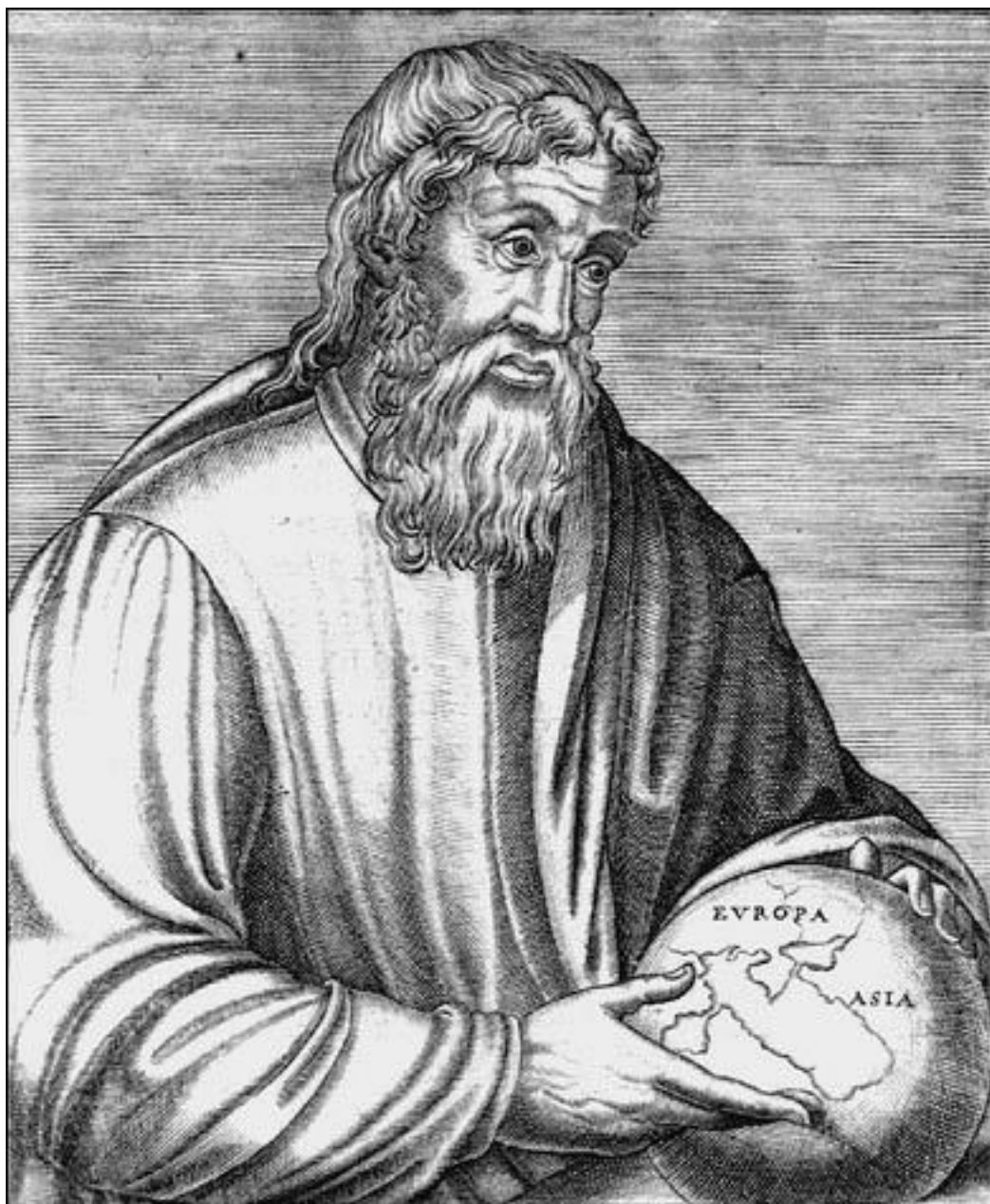

Рис. 3. Страбон. Гравюра XVI века

Арриан был автором исторических и географических трактатов – об Индии, о жизни и походах Александра Македонского; любитель псовой охоты, он написал книгу «Об охоте». Но для нас представляет интерес книга четвёртая «Анабасиса Александра». В ней историк рассказывает о причинах, которые привели великого полководца к вооружённому конфликту со степняками, и о битве на реке Яксарт, где македонский базилевс сразился с «азиатскими» скифами в открытом бою. Также Арриан описывает бой на берегах речки Политимет, где согдийский полководец Спитамен, командуя отрядами наемных скифов, наголову разгромил македонское войско. Несомненный интерес представляют ещё два трактата Луция Флавия – «Тактика (Тактическое искусство)» и «Диспозиция против аланов».

Работы Арриана прекрасно дополняет труд римского историка I в. н. э. Квинта Курция Руфа «История Александра Великого Македонского». «История» была написана в 10 томах, но сохранились лишь тома с III по X. Две первые книги, в которых предположительно излагались события от воцарения Александра до его похода в глубь Малой Азии, утрачены. Нас

же интересует книга VII, в которой описывается Среднеазиатский поход Великого Македонца. В отличие от Арриана Курций Руф излагает не только ход боевых действий, но и рассказывает о тактике скифов, некоторых их обычаях. Он же сообщает такие подробности их противостояния с македонцами, о которых не упоминает Арриан. Правда, иногда историк ошибается и путается, но при сопоставлении его работы с трудом Арриана мы получаем довольно подробную картину войны Александра Македонского против скифов.

Сведения о противостоянии «европейских» и «азиатских» скифов с армиями персидских царей Кира Великого и Дария I есть в «Военных хитростях» Полиена – уроженца Македонии, который делал карьеру адвоката в Риме во время правления Марка Аврелия. Это сочинение представляет не только образцы военных хитростей, но также рассказывает о некоторых интересных фактах из военной и политической истории Древнего мира. Судя по всему, эти сведения собраны Полиеном из самых разных не дошедших до нас источников и потому весьма любопытны – примером здесь может служить история о сарматском набеге на резиденцию скифского царя.

Большую ценность представляет сочинение греческого писателя Лукиана из сирийского города Самосаты (120–180 н. э.) «Токсарид, или Дружба». Хорошо образованный и практиковавший адвокатом в Антиохии на Оронте, Лукиан много путешествовал, изучал право в Афинах, а в зрелые годы стал прокуратором Египта. Наследие Лукиана довольно обширно, оно включает философские диалоги, сатиры, биографии, а также романы о приключениях и путешествиях. Автор смело и едко высмеивает как уходящее язычество, так и наступающее на него христианство, а заодно откровенно потешается над мифологическими образами. В «Токсариде», построенном в форме диалога и состоящем из двух циклов, рассказывается о подвигах во имя дружбы. Первый цикл посвящён грекам, второй – скифам, и по своему характеру он гораздо более мрачный и трагический, чем первый. При этом автор пытается показать скифов как людей, ничем по своей сути не отличавшихся от «просвещённых» эллинов, а в некоторых случаях даже превосходящих своих более цивилизованных собратьев. Также Лукиан показывает страшные картины нашествия сарматов на исконные земли скифов, и тот отчаянный отпор, который они давали захватчикам. Таким образом, можно сделать вывод о том, что история скифов неплохо освещена в античной традиции и в этом отношении им повезло гораздо больше, чем некоторым другим народам.

Тактика и вооружение

Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принеся голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет.

Геродот

Просвещённые греки, очень нетерпимо относившиеся к варварам вообще и испытывающие к ним неприкрытое презрение, проявляли снисходительность именно к скифам – факт сам по себе довольно примечательный. Писавший историю Александра Великого римский историк Курций Руф, который пользовался греческими источниками, оставил довольно любопытное замечание об этом кочевом народе. *«Скифы, в отличие от остальных варваров, имеют разум не грубый и не чуждый культуре. Говорят, что некоторым из них доступна и мудрость, в какой мере она может быть у племени, не расстающегося с оружием»*. А вот что о них пишет другой античный автор, Лукиан из Самосаты: *«Действительно, скифы были не только искусными стрелками из лука, не только превосходили других в воинском деле, но умели также убеждать своей речью»*. Одним словом, в глазах эллинов скифы стояли особняком на фоне остальных варваров.

Если исходить из работ античных историков, то территория, которую они называют Скифией, занимала огромные пространства – это степи от нижнего течения Дуная, Северного Причерноморья, Крыма и Дона и далее на Восток. А там, на территории современных Казахстана, Туркестана и Узбекистана, обитали те племена скифов, которых народы Азии, в частности персы, называли саками. Историки Античности окрестили саков «азиатскими» скифами, зато персы называли скифов, живших в Европе, «заморскими». Курций Руф даёт приблизительное описание Скифии в тех пределах, в каких она представлялась людям той эпохи, при этом всячески подчеркивая идентичность как «европейских», так и «азиатских» скифов. *«Танаис (Дон) отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими. Кроме того, он является рубежом Азии и Европы. Племя скифов, находясь недалеко от Фракии, распространяется на восток и на север, но не граничит с сарматами, как некоторые полагали, а составляет их часть. Они занимают еще и другую область, прямо лежащую за Истром (Дунаем), и в то же время граничат с Бактрией, с крайними пределами Азии. Они населяют земли, находящиеся на севере; далее начинаются дремучие леса и обширные безлюдные края; те же, что располагаются вдоль Танаиса (Дона) и Бактра, носят на себе следы одинаковой культуры»*.

Но вот что занятно: описывая войну Александра Великого с племенами саков, Курций Руф реку Яксарт (Сырдарья) тоже называет Танаисом (Доном), считая, что это одна и та же река. Римский историк пребывает в полной уверенности, что так оно в действительности и есть. Это видно из той фразы, которую он приписывает скифским послам во время переговоров с македонским царём: *«Впрочем, ты будешь иметь в нас стражей Азии и Европы; если бы нас не отделял Танаис (Яксарт), мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом (Доном) мы населяем земли вплоть до Фракии; а с Фракией, говорят, граничит Македония. Мы соседи обеих твоих империй, подумай, кого ты хотел бы в нас иметь, врагов или друзей»*. Из этих речей следует, что территория, занимаемая скифскими племенами, была поистине огромной. Впрочем, так оно и было в действительности: *«Но теперь установлено, что скифские племена жили в Средней Азии, на территории современного Казахстана, и были известны под именем массагетов; европейские скифы жили в прикаспийских и в причерноморских степях и на территории, которую в настоящее время занимают Венгрия, Румыния и Болгария»* (Е. А. Разин).

Геродот пишет, что скифы, которые проживали в Европе, называли себя «сколоты» и были разделены на несколько племён – паралаты, авхаты, траспии и катиары. Согласно свидетельству «отца истории», мы знаем, что главенствующее положение среди скифских племён занимали царские скифы, чьи владения находились на востоке, в крымских и донских степях. Они кочевали вплоть до Борисфена (Днепра), а на его правом берегу жили племена каллипидов, алазонов и скифов-пахарей, которые, в отличие от своих кочевых сородичей, занимались земледелием, на что и указал Геродот: *«Ближе всего от торговой гавани борисфенитов³ обитают каллипиды – эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее ализонов живут скифы-земледельцы. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу»*. Торговали же скифы-земледельцы в первую очередь с греками. Отношения между двумя народами были довольно тесными, скифы даже несли в Афинах службу в качестве стражников.

В отличие от «европейских» скифов, которые имели очень крепкие связи с греческими колониями в Северном Причерноморье, их «азиатские» собратья таких контактов не имели. Именно это имел в виду один из их вождей, когда говорил Александру Великому: *«Я слышал, что скифские пустыни даже вошли у греков в поговорки. А мы охотнее бродим по местам пустынным и не тронутым культурой, чем по городам и плодоносным полям»*. По мнению тех же эллинов, «азиатские» скифы являлись куда более дикими, чем их живущие на Западе собратья. Но о скифах, проживающих далеко на Востоке, разговор будет отдельный, а теперь пора рассмотреть вооружение и тактику легендарного народа.

* * *

Когда заходит речь о скифских воинах, то перед глазами сразу же появляется конный лучник, который, развернувшись в седле, поражает стрелой противника. «Скифский выстрел» потрясал воображение современников, и они недаром так его прозвали. Лук всегда был главным оружием этого народа, и именно благодаря ему были одержаны самые знаменитые скифские победы. Наиболее распространённым был короткий лук, 70–80 см в длину, его эффективное поражение цели достигало 40 м, а максимальная дальность стрельбы была примерно 120 м. Но помимо коротких луков, скифы использовали и длинные луки, около 127 см, – в пользу этого утверждения говорит то, что стрелы были разной длины. Е. В. Черненко в своей книге «Скифские лучники» отмечал следующий момент: *«Длина скифских стрел колебалась от 42,0 см до 85,0 см. Древки были гладкие, отшлифованные, оканчивающиеся небольшим расширением, образующим ушко с выемкой для тетивы. Окраска древков представляла собой чередование полос: красных, черных, белых, желтых»*. Вес стрел колебался от 15 до 25 г. В колчан их влезало примерно 200 штук, что было засвидетельствовано археологическими раскопками, поскольку в одном из курганов был найден горит, где лежало около 180 наконечников.

³ Гавань борисфенитов – греческая колония Ольвия.

Рис. 4. Васнецов В. Битва скифов со славянами

Каждый из скифов являлся воином, его принадлежность к определённому роду войск зависела от имущественного положения и статуса. Незнатные и менее состоятельные воины образовывали многочисленную легкую конницу. Конные стрелки не имели тяжелых доспехов, кроме луков они были вооружены копьями, дротиками и акинаками. Акинак – короткий скифский меч, с клинком длиной от 40 до 60 см. Акинаками скифы владели весьма искусно, многие бойцы сражались, имея в каждой руке по мечу. Из доспехов воины лёгкой кавалерии носили простые кожаные панцири, усиленные металлом в виде бронзовых блях и пластин. Также большое распространение получили защитные боевые пояса, которые в свою очередь делились на простые, изготовленные из кожи, и пояса с пластинчатым металлическим набором. Голову скифского всадника защищала меховая или войлочная шапка, которая, как и панцирь, могла быть укреплена металлическими пластинами. Эта знаменитая шапка есть на многих изображениях скифов.

Рис. 5. Скифские воины. Рельеф чаши из кургана Куль-Оба

«Стрелой мы поражаем врагов издали, а копьем – вблизи» – так, по свидетельству Курция Руфа, сказали скифские вожди Александру Великому о своей тактике боя. Главной ударной силой этого народа являлась тяжёлая конница. Основным оружием скифского тяжелооруженного воина было копьё, длиной до 1,65 м. Иногда оно достигало и 3,2 м. Это

было установлено в результате археологических раскопок погребальных курганов на территориях, где проживали скифы. Нет никаких сомнений, что эти погребения являлись местом захоронения племенной знати, о чём можно судить по сделанным находкам. На их основании можно представить, как выглядел воин скифской тяжёлой кавалерии. Наездника защищали бронзовый шлем, панцирь и панцирные штаны, вооружён же он был копьём, мечом и луком. Многие воины использовали для ближнего боя секиры, а в качестве средства защиты ещё и щит. Примечательно, что и конь был тоже прикрыт доспехами. *«Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники»*, – рассказывает Геродот об этих войсках. Именно эти тяжеловооружённые всадники и явились предтечей знаменитых парфянских катафрактариев, которые по праву считались лучшей тяжёлой конницей Древнего мира.

Панцири всадников тяжёлой скифской кавалерии подразделялись на два вида – пластинчатые и напоминающие кирасы. Пластинчатые доспехи изготавливались из кожи, которая укреплялась рядами наложенных пластин из кости, бронзы и железа. Что характерно, количество панцирей, изготовленных из бронзы, было невелико. Большую часть делали из железа, которое стало главным материалом для пластин, которые вырезались из металла ножницами или вырубались зубилом. Для украшения часть железных пластин покрывали золотом, бронзовые же тщательно полировали, создавая иллюзию, что доспехи позолочены. Металлические пластины покрывали кожаную основу панциря несколькими слоями и делали его достаточно надежным. Подобные доспехи могли хорошо защитить воина от стрелы, акинака или брошенного копья.

Однако сильный копейный удар мог пробить и панцирь, но это могло произойти лишь при прямом столкновении двух закованных в доспехи всадников. Наглядный пример подобного поединка мы находим в «Анабасисе» Ксенофонта, где во время битвы при Кунаксе встретились царь Артаксеркс и его младший брат Кир, претендент на трон. *«Кир увидел царя с его многочисленным окружением и сразу же, не удержавшись, воскликнул: “Я вижу его!” – и ринулся на Артаксеркса, поразил его в грудь и ранил сквозь панцирь»*. Удар явно был страшной силы и мог быть нанесён только во время кавалерийской атаки на быстро мчавшемся коне, в противном случае вряд ли царский панцирь был бы пробит.

Очень интересное наблюдение о защитном вооружении скифов делает Е. В. Черненко в своей работе «Скифский доспех»: *«Следует отметить также то обстоятельство, что наборный панцирь имел бóльшую степень надежности, чем кираса. Несмотря на то что каждая отдельная пластина набора была тоньше, чем кираса, продуманная система размещения чешуи приводила к тому, что в любом месте доспеха образовывался слой из трех-четырех пластин. Если при ношении кирасы сила нанесенного по ней удара почти вся сосредоточивалась в самой точке удара, то удар по наборному панцирю в значительной степени распространялся на соседние части доспеха. Кроме того, его сила во многом ослабевала при разрушении выгнутых пластин, гасилась за счет упругости основы и тела»*.

Но кроме защитных функций у подобных доспехов должно было быть ещё одно немаловажное качество – поскольку все скифы были прирождёнными стрелками из лука, то и панцирь не должен был сковывать их движения. Стрельба из лука требует достаточной подвижности, и подобный пластинчатый доспех её обеспечивал, хотя много панцирей изготавливалось с длинными рукавами. В целом же было надёжно и практично.

Шлемы скифы изготавливали из бронзы, они были простыми, полукруглой формы и с вырезом для лица. Но, наряду с коваными шлемами, встречаются и наборные, из чешуи и пластин. В дальнейшем среди скифов получают широкое распространение шлемы других народов, которые завозились к ним от соседей. В частности, греков к ним попадали аттические, халкидские и коринфские шлемы. Простые воины позволить себе подобной роскоши не могли, а вот аристократам это было вполне по средствам, что и подтвердили многочисленные археологические находки.

Теперь о другом важнейшем элементе защиты скифского всадника – щите. Щиты изготавливались из дерева, но были и сплетённые из лозы, наподобие тех, которыми пользовались персы. Они обшивались толстой кожей, однако встречались и такие, чью поверхность покрывали сплошной бронзовой или железной пластиной. Был и особый род щитов – щиты с панцирным покрытием, поверхность которых была защищена металлическими пластинами или железной чешуёй. Таким образом, мы видим, что скифы обладали прекрасной тяжёлой кавалерией, хорошо вооружённой и надёжно защищённой. Другое дело, что она не была достаточно многочисленной по сравнению с легковооружённой конницей.

А теперь несколько слов о знамёнах – какая же армия без знамён? К счастью, до наших дней дошли трактаты военачальника и историка Флавия Арриана «Тактика (Тактическое искусство)» и «Диспозиция против аланов», в которых он рассказывает об общественном строе и боевом искусстве народов Причерноморья. Вот он-то и оставил подробное описание знамён, под которыми сражались скифы: *«Скифские военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соответствующей длины. Они шиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видны только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на этих животных (драконов) и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но и полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не напали один на другой»*.

Ну и наконец, о пехоте, поскольку без неё ни одна армия мира не может вести боевые действия, какой бы тактики и стратегии она ни придерживалась. У скифов пехотинцы первоначально играли явно вспомогательную роль, но со временем их значение постепенно возрастало. Судя по всему, во время войн с Митридатом скифы пытались использовать свою пехоту в борьбе против фаланги, потому что одной конницей против этого строя воевать сложно, хотя и возможно. К тому же в связи со строительством большого количества фортификационных сооружений и переходом к обороне от вторжений сарматов скифским вождям приходилось волей-неволей заботиться о создании боеспособной пехоты. Блестящую характеристику этого рода войск у скифов дал Е. В. Черненко: *«Вооружение пехоты, очевидно, было весьма разнообразным, без характерного комплекта. Сражались пехотинцы буквально тем, что под руку попадет. Доспехами им служила кожаная и войлочная одежда. Так, остроконечная скифская шапка, выполненная из шкуры или войлока, выполняла роль шлема. Даже в погребениях рядовых членов общин, образующих пехоту, нет оружия»*. Как говорится, добавить нечего.

* * *

«Одинаково стремительно мы преследуем и бежим» – это очередная цитата из разговора скифских вождей с Александром Македонским, её приводит Курций Руф. На мой взгляд, именно она отражает суть скифского взгляда на ведение боевых действий – стремительный отход и, когда враг утратил бдительность, не менее стремительная атака. Измотать противника, как можно больше ослабить его перед решающим столкновением, незаметно подвести под удар главных сил, а потом обрушиться всей мощью и уничтожить – вот главные составляющие скифских побед. Грамотно использовать местность и климатические условия, вести войну исходя из того, что ты можешь отступать сколько угодно и куда угодно. И при этом продиктовать противнику свои условия игры и навязать свою волю, хотя он, вероятно, вначале и не будет об этом подозревать.

Всё это будет повторяться с завидной регулярностью и приведёт к великим победам скифского оружия, но только до тех пор, пока их территория значительно не сократится и они не смогут позволить себе вести ту маневренную войну, к которой привыкли. Однако это произойдёт нескоро. Скифские воины всегда были грозой великих царей и полководцев, а сама их земля считалась могилой завоевателей. В этом смысле примечателен ответ царя Иданфирса, который тот дал персидскому царю Дарию I, объяснив суть скифской войны: *«У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно... Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами»* (Геродот). Созвучную мысль высказывает и историк Юстин, подчеркивая, что *«народ скифский суров и в труде и на войне, телом невероятно силен; он не ищет ничего, что грозит утратой, а победив, не хочет ничего, кроме славы»*.

Очень точно охарактеризовал сущность скифской стратегии Геродот: *«Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только сами они не допустят этого. Ведь у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища – в кибитках. Как же такому народу не быть неодолимым и неприступным?»*

Е. А. Разин в «Истории военного искусства» отмечал, что *«стратегия скифов характеризуется правильной оценкой соотношения сил и стремлением изменить его в свою пользу. При наличии численного превосходства врага скифы не вступали в бой, а преднамеренно отступали в глубь своей территории. Лишь после того, как враг был деморализован и ослаблен, скифы стремились отрезать ему пути отступления, а затем окружить и уничтожить. Таким образом, скифы одни из первых заметили стратегическое отступление для изменения соотношения сил в свою пользу»*.

Но это всё высокая стратегия, тактические приемы скифов тоже ставили в тупик их противников. Об одном из них нам рассказал Курций Руф: *«Они сажаят на коней по два вооруженных всадника, которые поочередно внезапно соскакивают на землю и мешают неприятелю в конном бою. Проворство воинов соответствует скорости лошадей»*.

Одним завоевателям в войнах с этим народом повезёт больше, другим меньше. Но как ни странно, желание одолеть скифов у великих правителей древности будет присутствовать всегда, их словно магнитом притягивают скифские земли. Ну а сами скифы, несмотря ни на что, будут сражаться героически, и слава их переживёт века – многие народы канут в Лету, и о них просто забудут, а память о великих воинах степей жива и сегодня.

* * *

О воинских традициях этого народа блестяще написал Геродот, и есть смысл его процитировать: *«Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принеся голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготавливают чехлы для своих колчанов. Человеческая кожа дей-*

ствительно толста и блестяща и блестит ярче почти всякой иной. Многие скифы, наконец, сдирают всю кожу с вражеского трупа, натягивают ее на доски и затем возят ее с собой на конях... Таковы военные обычаи скифов. С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши».

Недаром боялись враги этих свирепых воинов, ведь слухи об их обрядах и обычаях ходили по всему Древнему миру, и многие охотники до чужого добра по возможности старались избежать вооружённых столкновений с ними. За исключением тех великих царей и воителей, которые свято уверовали в свою неуязвимость и стремились увенчать себя лаврами победителя непобедимых скифов.

Но время великих побед, которые золотыми буквами будут вписаны в мировую военную историю, наступит для скифов не сразу. Поэтому мы сначала рассмотрим тот период, когда этот народ впервые громко заявил о себе на международной арене. Причем заявил так, что мало никому не показалось.

Походы в Азию

28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство.

Геродот

Вторжение скифов в Северное Причерноморье и изгнание правивших там долгое время киммерийцев явилось прологом к скифскому нашествию в Азию. Именно с этого времени – VIII в. до н. э. – скифы становятся известны в Древнем мире как грозные воины, с которыми необходимо считаться правителям соседних держав. Но до этого было далеко, сначала на азиатских правителей обрушилась беда в лице киммерийцев.

Нашествие киммерийцев на Малую Азию было вызвано тем, что, не сумев противостоять натиску скифских орд, они были вынуждены спасаться бегством на юг, сметая всех на своём пути: *«Спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы, как известно, заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа»* (Геродот). Для жителей Закавказья и Малоазийского региона появление киммерийцев стало сущим бедствием, но они и не подозревали, что грядёт ещё более страшная беда. В 70-х гг. VII в. до н. э. полчища новых захватчиков – скифов прошли через Дербентский проход и вторглись на территории Мидии, Сирии, и Палестины. Затем они вступили в непосредственный контакт с Египтом и целых 28 лет терроризировали всю эту громадную территорию. Основав в Закавказье собственное полукочевое государственное образование, известное на Древнем Востоке как царство Ишкуза, скифы стали головной болью для правителей соседних государств.

Как сообщает готский историк Иордан, после побед скифского царя Танаузиса (Танай у Юстина) очень многие из его воинов, *«обозрев подчиненные провинции во всем их могучем плодородии, покинули боевые отряды своего племени и по собственному желанию поселились в разных областях Азии»*. Оно и понятно, зачем опять куда-то мчаться на своих конях, рубиться с врагами, переносить тяготы и лишения, если богатство лежит совсем рядом! Да и прелести оседлой жизни стали привлекать кочевников. С другой стороны, остальных скифов подобная жизнь не устраивала, и они продолжили свою разрушительную деятельность в регионе, совершая грабительские рейды, куда заблагорассудится.

В принципе, можно говорить о том, что нашествие скифов не было таким организованным и спланированным мероприятием, как вторжение монгольской орды. Что произошло оно в основном стихийно, и многие их отряды ещё в течение долгого времени продолжали проникать в Азию прикаспийским путём. Не было у скифских вождей конкретной программы завоеваний, как у Чингисхана и его преемников.

Геродот указывает на причину появления в регионе новых завоевателей, и с его слов получается, что в какой-то степени они оказались там случайно: *«Скифы вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии»*. Смысл этого сообщения таков – если бы киммерийцы избрали для отступления другой маршрут, то возможно, что на Ближнем Востоке о скифах так бы никто и не узнал. Но случилось то, что случилось.

Между тем Страбон ничего не говорит о том, что скифы преследовали своих врагов. Он просто отмечает факт, что киммерийцы покинули свои степи под натиском скифов: *«Некогда киммерийцы обладали могуществом на Боспоре, почему он и получил название Киммерийского Боспора. Киммерийцы – это племя, которое тревожило своими набегами жителей внутренней части страны на правой стороне Понта вплоть до Ионии. Однако скифы вытеснили их из этой области, а последних – греки, которые основали Пантикапей и прочие города на Боспоре»*.

Поэтому можно предположить, что целью скифов были не киммерийцы как таковые, поскольку те пришли в Азию совершенно по другому пути. Согласно сообщению Геродота, *«киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта»*⁴. Скифы же шли вдоль побережья Каспийского моря, и объяснение «отца истории» о том, что, преследуя киммерийцев, они сбились с пути, выглядит натянутым. Потому что разница между двумя маршрутами весьма существенная. Логичнее было бы допустить, что скифы просто решили совершить большой набег и их целью были именно богатые города Азии, а не кочевники-киммерийцы. В итоге скифская орда оказалась там, где её совсем не ждали, и дошла до Египта.

Для народов региона наступили чёрные дни, ибо не было в то время силы, которая смогла бы остановить захватчиков и положить предел их грабительским устремлениям. *«28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось»* (Геродот). В принципе, итог вполне закономерный: произошло столкновение двух разных культур, одна из которых была более развитая, а другая по уровню развития стояла гораздо ниже. Беда была в том, что кочевники оказались сильнее.

Между тем Юстин приводит совершенно фантастические данные о происходящих событиях: *«Повернув обратно (из Египта), скифы покорили Азию, сделали ее своей данницей, но обложили ее умеренной податью, скорее в знак своего владычества над ней, чем в знак вознаграждения за победы. На покорение Азии скифы потратили 15 лет... В течение 1500 лет платила Азия дань скифам. Прекратил выплату дани царь ассирийский Нин»*.

Сразу отмечу, что Азию скифы покорили до похода на Египет, да и насчёт умеренной подати терзают смутные сомнения. Обычно, если кочевые народы сталкиваются с более развитыми цивилизациями, которые не могут оказать им достойного сопротивления, то ни о какой умеренности не может быть и речи! Всё происходит с точностью до наоборот. Ну а цифра в полторы тысячи лет, на мой взгляд, в комментариях вообще не нуждается. Да и прекративший платить скифам дань ассирийский царь Нин выглядит довольно забавно, поскольку это не что иное, как сокращённое название столицы Ассирийской державы Ниневии. Сами же ассирийцы к изгнанию скифов из Азии вообще никакого отношения не имели, это сделали, как мы увидим в дальнейшем, совершенно другие люди.

За всё время существования своего государственного образования под названием Ишкуза скифы вели боевые действия против Мидии, Ассирии, Лидии и Нововавилонского царства. В качестве наёмников они были востребованы по всему Ближнему Востоку и Малой Азии, высокие боевые качества скифских воинов ценились необычайно высоко. Между тем скифские вожди развили бурную внешнеполитическую деятельность. Вступая поочередно в союз с ведущими державами региона, сражаясь где угодно и с кем угодно, они крушили всех подряд. А когда их союзники очень усиливались, скифы тут же заключали договор с недавними врагами и начинали громить бывших союзников.

Примером подобной политики может служить такой случай. Воюя с Ассирийской державой, скифы затем заключат с ней союз, направленный против киммерийцев и других врагов Ассирии. Но в дальнейшем начинают оказывать помощь мидянам, восставшим против ассирийского господства. В итоге всех этих махинаций к середине VII в. до н. э. скифы становятся ведущей военной силой в Азии. Мидийский царь полностью послушен их воле и является союзником, а для Ассирии наступают тяжёлые времена. Под ударами скифских и мидийских войск военный разгром этого хищника становится свершившимся фактом, и вскоре Ассирийская держава исчезает с политической карты Древнего мира.

⁴ Понт Эвксинский – так древние греки называли Черное море.

Но самим скифам этот крупный военный и политический успех вышел боком, поскольку после гибели Ассирии необычайно усиливается Мидийское царство. Правитель Мидии Киаксар, один из самых талантливых военных и государственных деятелей эпохи, начинает тяготиться своим подневольным положением по отношению к северным пришельцам. Вся его последующая деятельность будет направлена на освобождение от этой позорной зависимости и в итоге увенчается блестящим успехом. С этого времени роль скифов в политической жизни Малой Азии и Ближнего Востока резко снижается. Упоминания о Скифском царстве в Закавказье исчезают из источников, а сами грозные воины, переполошившие всю Азию и Ближний Восток, частично оседают в регионе, ассимилировавшись с местным населением. Другие начинают обратную миграцию в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ, в южнорусские степи, где и образуется та самая легендарная Скифия, о которой нам известно из трудов античных авторов.

Таким образом, деятельность скифов в Азии заканчивается в начале VI в. до н. э. Вернувшись из дальних походов, они начинают создавать центр своего государства в низовьях Борисфена (Днепра), и для этого народа наступает новая эпоха.

* * *

Большой интерес представляют взаимоотношения скифов с величайшей державой Древнего Востока – Египтом, хотя сведения источников здесь довольно путаны и частично расходятся. Вот что об этом пишет «отец истории»: *«Затем скифы пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил Псамметих, египетский царь, с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше. Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании»*.

Теперь те же события в изложении Марка Юниана Юстина. Римский историк даёт несколько иную картину событий, чем его галикарнасский коллега, она в корне отличается от Геродотовой. *«Первым, кто объявил скифам войну, был египетский царь Везосис. Предварительно он направил к ним послов с требованием покорности. Но скифы, заранее узнав от соседей о приближении царя, ответили послам, что глава столь богатого народа безрассудно начинает войну против нищих, между тем как ему следовало бы скорее опасаться нападения на свою собственную страну, ведь исход войны сомнителен, победа не принесет выгоды, а ущерб налицо. Поэтому скифы вовсе не намерены ждать, когда враги доберутся до них, и так как они могут получить от врагов гораздо больше, чем враги от них, то они сами пойдут навстречу добыче. Сказано – сделано. Царь, узнав, что враги приближаются с такой быстротой, бежал, покинув свое войско со всем заготовленным для войны, и в страхе укрылся в своем царстве. Вторжению скифов в Египет помешали болота»*.

Информация о походе Везосиса есть и у Орозия, но он её явно заимствовал у Юстина. Зато совершенно неожиданно рассказ об этих событиях мы встречаем у готского историка Иордана в его книге о *«Происхождении и деяниях гетов»*. Правда, Иордан считал, что скифы являются не кем иным, как готами, потому они и удостоились места на страницах его труда. Вот что он поведал потомкам: *«И вот, когда готы жили там, ринулся на них войною Везосис, царь египетский; у готов был тогда королем Танаузис (Танай). На реке Фазисе (Пион в Закавказье), откуда в изобилии происходят фазийские птицы для пиров владык во всем мире, Танаузис, готский король, встретился с Везосисом, царем египетским, и жестоко его поражая, преследовал до Египта; если бы не воспрепятствовало течение непреходимой реки Нила и укрепления, которые Везосис приказал некогда воздвигнуть для себя по причине набегов эфиопов, то Танаузис прикончил бы его там же, в его стране»*.

Когда же он, не имея никакой возможности нанести ему, засевшему там, вред, возвращался обратно, то покорил себе чуть ли не всю Азию, принудив покоренных платить дань Сорну, царю мидян, который тогда был дорогим ему другом».

Прежде всего надо определиться с именем царя Египта, который вступил в противостояние с кочевниками. Геродот дает ответ на вопрос и конкретно указывает, что это был Псамметих, царь 26-й династии, правивший в 664–610 гг. до н. э. Этот правитель был личностью выдающейся во всех отношениях. Псамметиху удалось после долгих лет раздробленности вновь объединить страну под единой властью, поднять экономику и создать мощную боеспособную армию, ядро которой составляли наёмники из Ионической Греции. Исходя из сложившейся на Ближнем Востоке ситуации, когда рушилась власть Ассирии, и устанавливались новые международные отношения, Псамметих начал военную экспансию в Палестине, где в итоге и столкнулся с пришедшими с севера кочевниками. Скифские отряды прорвались сквозь ассирийские земли и около 625 г. до н. э. вступили в соприкосновение с египетскими войсками.

Теперь о том, кто же такой египетский царь Везосис, откуда он взялся и о его борьбе со скифами. Дело в том, что сей персонаж – личность мифическая и является плодом творчества позднеантичной римской историографии, кочуя из произведения в произведение. В наши дни считается, что Везосис – это искажённое имя египетского фараона Сесостриса. Но беда в том, что и последний является такой же легендарной и мифической личностью, как Везосис. Сесострис – имя собирательное, но ему приписываются вполне реальные деяния других исторических персонажей из египетской истории. Однако помимо этого он стал героем многих вымышленных сюжетов, например завоевания Европы и Персии египтянами. Реальным же прототипом Сесостриса был фараон Сенусерт III, правивший приблизительно аж в 1872–1853 гг. до н. э. Он был представителем XII династии в эпоху Среднего царства и не имел к скифам абсолютно никакого отношения. Но зато если вместо всех этих легендарных имён египетских царей поставить имя Псамметих, то нарисуеться довольно ясная картина.

Из источников видно, что к войне с неизвестным врагом Египет был готов, ведь его армия не один год вела боевые действия в Палестине. Версия Геродота о том, что Псамметих решил без боя откупаться от скифов дарами, располагая сильнейшей армией в регионе, вряд ли состоятельна. К тому же на Египет явно шли не все скифские орды, оказавшиеся на Востоке. Впрочем, в изложении Юстина события выглядят ещё более странно: *«Царь, узнав, что враги приближаются с такой быстротой, бежал, покинув свое войско со всем заготовленным для войны, и в страхе укрылся в своем царстве».*

С чего бы это победоносному правителю, который готов к войне, бросать своё войско на произвол судьбы и бежать в Египет, чтобы спрятаться там от нашествия? Врага лучше встречать на чужой территории, не допуская разорения своей, и Псамметих, судя по всему, так и хотел поступить. Другое дело, если бы он ударился в бег после неудачного сражения, тогда всё было бы ясно и понятно. И никаких нестыковок в этом случае нет. Поэтому напрашивается вывод о том, что, судя по всему, сражение было и окончилось оно для египтян неудачно. После чего и последовало отступление в Египет, о котором есть информация у Иордана.

Дальше Юстин и Иордан сходятся в том, что именно невозможность форсировать Нил, явилась причиной того, что вторжение в Страну пирамид не состоялось. Скифы не первые и не последние, кому не удалось преодолеть эту водную преграду, к тому же вдоль реки египетские военачальники возвели укрепления. Вот тут-то самое время и отправить Псамметиху дары скифским вождям и начать вести переговоры о прекращении боевых действий. А у тех появляется возможность сохранить лицо и ввиду невозможности прорваться на территорию Египта с почётом отступить. Вряд ли вожди скифов упустили момент разграбить

египетские земли, и если бы у них была такая возможность, то никакие подарки и выкупы их не остановили. Ведь это была капля в море по сравнению с тем, чем они могли завладеть. Но форсировать Нил не удалось, а потому, получив дары и откуп, кочевники убрались обратно на север, через Палестину и Сирию. Что же касается самого Псамметиха, то он умер своей смертью, процарствовав 54 года и оставив наследнику страну в мире и процветании.

* * *

Пожалуй, первые, кто всерьёз столкнулся со скифами и в полной мере оценил исходившую от них опасность, были мидийцы и их правитель Киаксар (Увахшатра). Царь Мидии в 625–585 гг. до н. э., он был действительно незаурядной личностью, прекрасным администратором и толковым военачальником. Человеком, который вывел свою страну на ведущие позиции в Азии. Именно Киаксар провёл реформу мидийской армии, которая раньше сражалась смешанной толпой, и теперь копейщики, лучники и кавалерия были разделены на отряды. После этого они могли воевать как в едином строю, так и действуя отдельно друг от друга.

Наведя порядок в армии и стране, царь приступил к активной внешней политике. Всей мощью своей державы он обрушился на исконного врага – Ассирию. Нанеся неприятелю ряд чувствительных ударов, Киаксар на полях сражений разгромил ассирийские войска и подошёл к её столице Ниневии, которую называли «логово львов». Казалось, что наконец-то сбудутся самые заветные мечты мидийского царя и ненавистный вражеский город будет превращён в руины. Ведь помимо прочих причин, у Киаксара был повод и для личной ненависти к ассирийцам, поскольку его отец Фраорт потерпел от них поражение в битве и погиб на поле боя.

Но не тут-то было! В самый разгар осады царь получил известие о том, что в пределы Мидии из-за Кавказских гор вторглись орды скифов под предводительством царя Мадия: *«Тут-то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина, в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиея»* (Геродот). Это было очень некстати, ибо победа была уже близка, стоит только протянуть к ней руку. Но теперь приходилось снимать осаду и идти сражаться с диким народом.

Проблема была в том, что этих захватчиков никто не ждал. Правда, Геродот продолжает развивать свою мысль о том, что нашествие скифов в Азию было делом случайным: *«Известно также, что скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян. Так вот, они повернули в глубь страны. Это последнее сказание передают одинаково как эллины, так и варвары»*. Однако мы уже убедились, что это не так.

Киаксар прекрасно осознавал, какую опасность представляют эти варвары, но в то же время он вряд ли боялся встретиться с ними на поле боя. Мидиец располагал самым мощным войском в регионе, к тому же ему в какой-то степени повезло, что вторжение случилось именно в то время, когда его армия была полностью отобилизована. Готова в любой момент вступить с врагом в бой. О самом сражении никаких подробностей не сохранилось, за исключением рассказа Геродота о маршруте скифов в Мидию и констатации самого факта разгрома мидян. *«От озера Меотиды (Азовское море) до реки Фасиса (Рион) и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии – не дальше, только между этими странами живет одна народность – саспиры. Минувя их, можно попасть в Мидию. Скифы, во всяком случае, вступили в Мидию не этим путем, но, свернув с прямой дороги, пошли верхним путем, гораздо более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа»*.

Здесь-то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение, и их могущество было сломлено. Скифы же распространили свое владычество по всей Азии».

Вот в принципе и всё, что нам известно о битве, которая на долгие годы определила судьбу Малой Азии и Ближнего Востока. Могущество мидян было сокрушено на долгие годы, а Киаксар оказался в унижительной зависимости от пришельцев.

Но не такой человек был мидийский царь, чтобы смириться с поражением. Поэтому он стал крепко думать, как бы избавиться от чужаков. Но думай не думай, а пока мидийская армия не восстановит свою мощь, и разграбленная страна не оправится от вторжения, нечего и мечтать о реванше. На всё это требовались годы... Правда Киаксар умел ждать и пока скифы воевали везде и со всеми, сидел тихо и терпеливо копил силы, ожидая своего часа. И когда этот час пробил, мидиец действовал смело и решительно.

* * *

Царский дворец в Экбатанах гудел от громких криков и победных кличей. Сотни гостей пировали в главном зале, тусклый свет чадающих факелов освещал картину грандиозного пиршества. Это мидийский царь Киаксар устроил для своих скифских союзников роскошный пир. Многочисленные вожди и цари кочевых племён, наводившие ужас на все окрестные народы, съехались в мидийскую столицу по приглашению старого друга и союзника Киаксара. Чтобы после великого праздника, организованного в их честь, сообща решить, куда им теперь направить бег своих быстрых коней.

Царь Мидии восседал на высоком троне, изредка притрагиваясь к кубку с вином, и внимательно следил за своими гостями. Чёрные тени метались по стенам дворца, вино из царских подвалов лилось рекой, слуги сбивались с ног, таская громадные блюда с кусками жареного мяса. Высокие гости прибыли не одни, их сопровождали сотни телохранителей и тысячи воинов. Экбатаны не мог вместить всю эту орду, а потому за городскими стенами раскинули громадный лагерь, куда по царскому приказу гнали скот и катили телеги, набитые хлебом и кувшинами с вином. Зарево тысяч костров озаряло чёрное мидийское небо, крики разгулявшихся воинов не давали уснуть жителям города. Впрочем, спать никто не хотел, поскольку в воздухе висело напряжение, словно в знойный, душный день перед сильной грозой.

А пир не прекращался, всё новые и новые кувшины вина тащили слуги захмелевшим гостям. Оружие и боевые пояса, чтобы не мешали, скифские вожди свалили у стен и продолжали опустошать свои кубки, хвастаясь друг перед другом воинскими подвигами. Многие засыпали там же, где и пили, но внимания на них никто не обращал, каждый был увлечён вином и едой. Но всё больше и больше гостей валилось на пол, постепенно затихали пьяные крики скифской знати, и в зале повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Сквозь стены дворца не были слышны шум и крики из скифского стана, лишь шаги слуг нарушали воцарившееся зловещее безмолвие. По знаку царя телохранитель распахнул двери пиршественного зала, и один за другим в него стали входить мидийские воины. Многие из них были в пластинчатых доспехах, блики огня играли на остроконечных бронзовых шлемах, руки сжимали боевые топоры, палицы, мечи и кинжалы. Это были лучшие бойцы из личной охраны Киаксара.

Мидийцы не спеша расходились вдоль стен, становясь за спинами упившихся степняков. Когда царю доложили, что дворец полностью окружён и из него не выскочит даже мышь, Киаксар махнул рукой, и бойня началась. Скифов резали быстро и умело. Их кололи мечами, рубили топорами, палицами разбивали головы. Кровь хлынула на каменные плиты пола, смешиваясь с вином, десятки скифских вождей умерли, так и не поняв, что с ними происходит. Никто не схватился за меч, никто не поднял копье, никто с боевым кличем не бросился на врагов – лишь хрипы умирающих и треск ломаемых костей слышались в зале.

Вскоре всё было кончено. Несколько сотен мёртвых тел уже лежали в лужах крови в царском дворце Киаксара, а в лагере скифов всё ещё продолжалось гулянье.

Однако мидийские отряды уже окружали затихающий скифский стан. И как только стихли пьяные крики перепившихся воинов и стал робко заниматься рассвет, тысячи мидийцев, пеших и конных, бросились на спящих врагов, нанося им смертельные удары. Безоружных и пьяных скифов, грозных воинов, бывших ужасом Азии, рубили, кололи, топтали конями, уничтожая сотнями. Никто не смог вырваться из смертельного кольца, все степняки легли на залитую кровью мидийскую землю. Взошедшее солнце осветило жуткую картину побоища. Лучшие скифские воины, родовая знать, вожди и цари были уничтожены за одну ночь коварством Киаксара. Одним ударом он освободил Мидию от варваров. Теперь скифы, оставшись без предводителей, не представляли для него опасности, и сейчас было самое время выступить с армией в поход, чтобы очистить страну от пришельцев с севера.

* * *

«Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили» – такими словами поведал Геродот из Галикарнасса о резне, которую учинили по приказу мидийского царя над скифами. На первый взгляд мидийцы поступили нехорошо, подло. Но с другой стороны, а кто скифов в Азию звал вообще? Кто их там дожидался? Ведь кроме грабежей, убийств и насилий, они ничего народам в этом регионе не принесли. С лёгкостью предавая вчерашних друзей и союзников, действуя подло по отношению к своим недавним товарищам по оружию, скифы забыли, что и им могут отплатить той же монетой. Киаксар действовал исходя из интересов своей страны и своего народа, резонно полагая, что для этого все средства хороши. Зато и эффект от подобного действия превзошёл все ожидания, поскольку, лишившись своей верхушки, кочевники оказались неспособны противостоять обрушившимся на них бедам. Скифы сразу же утратили все те позиции в Азии, которые столь долго завоёвывали. Большая их часть потянулась обратно за Кавказские горы, на север. Но некоторые остались и, став наёмниками в рядах мидийской армии, принимали участие последующих военных кампаниях.

Что же касается Киаксара, то военное счастье отныне сопутствовало ему во всех военных предприятиях. В 614 г. до н. э. он вновь начал войну против Ассирии и, взяв штурмом её древнюю столицу Ашшур, велел своим войскам сровнять город с землёй. Заключив союз с вавилонским царём Набопаласаром, мидийский царь в 614 г. до н. э. вновь повёл свою победоносную армию на Ниневию, которая в прошлый раз была спасена скифским вторжением. Только в этот раз всё было иначе. Никто ассирийцам на помощь не пришёл, и объединённое мидийско-вавилонское войско взяло приступом город, перед которым веками трепетали народы Малой Азии и Ближнего Востока. Ниневию разрушили до основания, а население перебили, и бывшая некогда великой державой Ассирия перестала существовать. Её территорию союзники разделили, а Киаксар продолжил свои походы. Были завоёваны Элам и Урарту. В 590 г. до н. э. мидийская армия вторглась в Малую Азию, и началась война между Мидией и Лидийским царством. Борьба продолжалась пять лет и закончилась заключением мира между воюющими сторонами, а сын Киаксара, Астиаг (Иштувегу), взял в жёны лидийскую царевну. В том же году Киаксар скончался.

* * *

Вернёмся к скифам. У них теперь был к мидянам особый счёт, и рано или поздно последним придётся по нему платить. Греческие историки не даром называли персов мидянами, подчеркивая этим родство этих двух народов, а основатель державы Ахеменидов Кир

Великий приходился Киаксару правнуком по материнской линии. Не случайно, что военное противостояние скифов и персов станет одним из интереснейших моментов античной военной истории, ведь о коварной резне, учинённой мидянами, грозные степные воины будут помнить всегда. Но помнить о ней будут не только они – персидский царь Кир, прямой потомок Киаксара, снова захочет одолеть скифов с помощью той самой хитрости, которую применил его легендарный прадед. Вот только это коварство выйдет боком ему самому. Но об этом в следующей главе.

II. Голова Кира Великого

Почему персы пошли войной на скифов?

Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем.

Геродот

Персидский царь Кир Великий (593–530 до н. э.), основатель династии Ахеменидов и создатель величайшей мировой империи, был самым крупным военным и политическим деятелем эпохи. Свою головокружительную карьеру Кир начал практически с нуля. Будучи рядовым племенным царьком, занимавшим подчиненное положение, он достиг невиданных высот, вызвав неподдельный восторг как у современников, так и у потомков. Даже Александр Великий, для которого не существовало никаких авторитетов, кроме героев Илиады, с уважением и восхищением относился к деяниям этого необыкновенного человека. Между тем жизненный и боевой путь Кира был очень непрост. Но благодаря своей политической мудрости, талантам полководца, а также человеческим качествам он преодолел все преграды и встал в один ряд с великими правителями Древнего мира.

Рис. 6. Кир Великий

Изначально ничто не предвещало Киру будущей славы и величия. По линии своего отца Камбиза он был вождём персидского племени пасаргадов, которое входило в состав Мидийской державы. Вавилонские правители называли Камбиза царём Аншана, древнего эламского города, который Ахемениды захватили в VII в. до н. э. Но сути дела это не меняло, потому что в тот момент персы являлись вассалами мидийских правителей со всеми вытекающими отсюда последствиями. И прозябать бы Киру в безвестности, если бы не его родословная с материнской стороны. Ибо по линии матери, мидийской принцессы Манданы, его дедом был не кто иной, как мидийский царь Астиаг. Кир приходился правнуком легендарному царю мидян Киаксару, а потому, хотя и косвенно, имел права на трон Мидии. Однако его отца Камбиза всерьёз при мидийском дворе не воспринимали. Геродот прямо указал, что *«царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его по знатности гораздо ниже среднего мидя-*

нина». Но этого родства Киру хватило вполне, чтобы в дальнейшем претендовать на мидийский престол и выиграть борьбу за власть.

На тот момент, когда молодой персидский правитель Кир поднял вооружённый мятеж против своего грозного деда Астиага (Иштувегу) в 553 г. до н. э., Мидия была, пожалуй, самым могучим государством в регионе. Ядром мидийской армии была тяжелая конница. Её всадники, закованные в чешуйчатые панцири, вооружённые копьями, палицами, боевыми топорами и луками, славились по всей Азии как непобедимые бойцы. Воины лёгкой кавалерии, вооружённые дротиками и луками, выполняли функции застрельщиков и разведчиков. Соответственным было и их защитное вооружение, оно состояло преимущественно из кожаных или холщовых доспехов. Пехота по большей части была легковооружённой и мобильной, её арсенал был представлен копьями, короткими мечами, луками и дротиками. Из защитного снаряжения воины имели полотняные панцири и деревянные щиты, обтянутые кожей. За мидийской армией тянулся след из славных побед над некогда непобедимыми ассирийцами, и рассчитывать на лёгкий успех Киру не приходилось.

Но вполне возможно, что он никогда бы и не рискнул поднимать вооружённое восстание против мидийского господства, если бы не был твёрдо уверен в поддержке тех кругов мидийской аристократии, которые были недовольны тираническим правлением Астиага. Это в конечном итоге и решило исход борьбы, но до этого боевые действия продолжались три года, причём не раз персы находились на грани поражения. Эта борьба Кира против своего деда очень подробно освещена у Геродота, также сведения о ней приводят Ктесий Книдский и вавилонские хроники. В них чётко зафиксировано, что решающую победу Кир одержал благодаря измене, а не своим военным талантам: *«Он (Астиаг) собрал своё войско и пошёл против Кира, царя Аниана, чтобы победить его. Но против Иштувегу (Астиага) взбунтовалось его войско и, взяв его в плен, выдало Киру. Кир пошёл в Экбатану, его столицу. Серебро, золота, сокровища всякого рода страны Экбатаны они разграбили, и он унёс это в Аниан»*. Победитель провозгласил себя царём мидян и персов, и с этого момента Малая Азия и Ближний Восток не знали покоя, сотрясаясь от поступи победоносных войск Кира.

В наибольшей степени полководческие дарования персидского царя проявились во время войны с Лидией, могучим государством, расположенным на западе Малой Азии. Лидийские цари тоже боролись за гегемонию на Востоке. В какой-то степени именно они спровоцировали вооружённый конфликт с Киром, имея, впрочем, все основания рассчитывать на победу. Эти расчёты опирались в первую очередь на первоклассную лидийскую армию, самую грозную военную силу в Анатолии. Как и у мидян, главной ударной силой лидийцев была тяжёлая кавалерия, в которой служили местные аристократы. Правители Лидии по праву гордились своей конницей. Однако царь Лидии Крез, начиная войну с Киром, располагал и прекрасно подготовленной пехотой, в состав которой кроме лидийцев входили и воинские контингенты из городов Ионической Греции, находившейся в зависимости от Лидии. Также Крез опирался на военный союз, который заключил с Египтом, Вавилоном и Спартой. Но, понадеявшись на собственные силы, решил действовать в одиночку – это его и погубило.

Вторгнувшись в Каппадокию, которая принадлежала персам, Крез столкнулся с превосходящими силами Кира, но, рассчитывая на качественное превосходство своей армии, вступил с врагом в бой. Сражение не дало перевеса ни одной из сторон, а потому Крез решил отступить в Лидию, пополнить войска, дожидаться помощи союзников и лишь на будущий год возобновить наступление. И здесь лидийский царь допустил вторую ошибку, поскольку, не ожидая подвоха, он распустил часть своих отрядов по домам, в частности пехоту малоазийских греков. Кир же, который словно охотник за зверем, отслеживал каждое движение лидийского царя, сразу понял, какой уникальный шанс даёт ему судьба, и блестяще им воспользовался. Его армия ринулась в погоню за Крезом. И когда лидийский царь прибыл в

свою столицу Сардаы, то получил известие о вражеском вторжении. Крез запаниковал, иначе ничем другим не объяснишь, что он решился на полевое сражение у городских стен, располагая столь незначительными силами и при минимальном наличии пехоты.

В своих действиях царь Лидии был довольно предсказуем, делая ставку на атаку своей великолепной тяжёлой кавалерии. Поэтому Кир, исходя из того, что его лидийский коллега будет действовать по шаблону, поступил довольно необычно, выставив против вражеских всадников отряды наездников и лучников на верблюдах. Перс резонно полагал, что незнакомый запах и необычный вид этих животных испугают вражеских лошадей. Понимая, сколь велики ставки в предстоящей битве, Кир отдал своим воинам категорический приказ не пленных брать, а сражаться до полной победы над врагом.

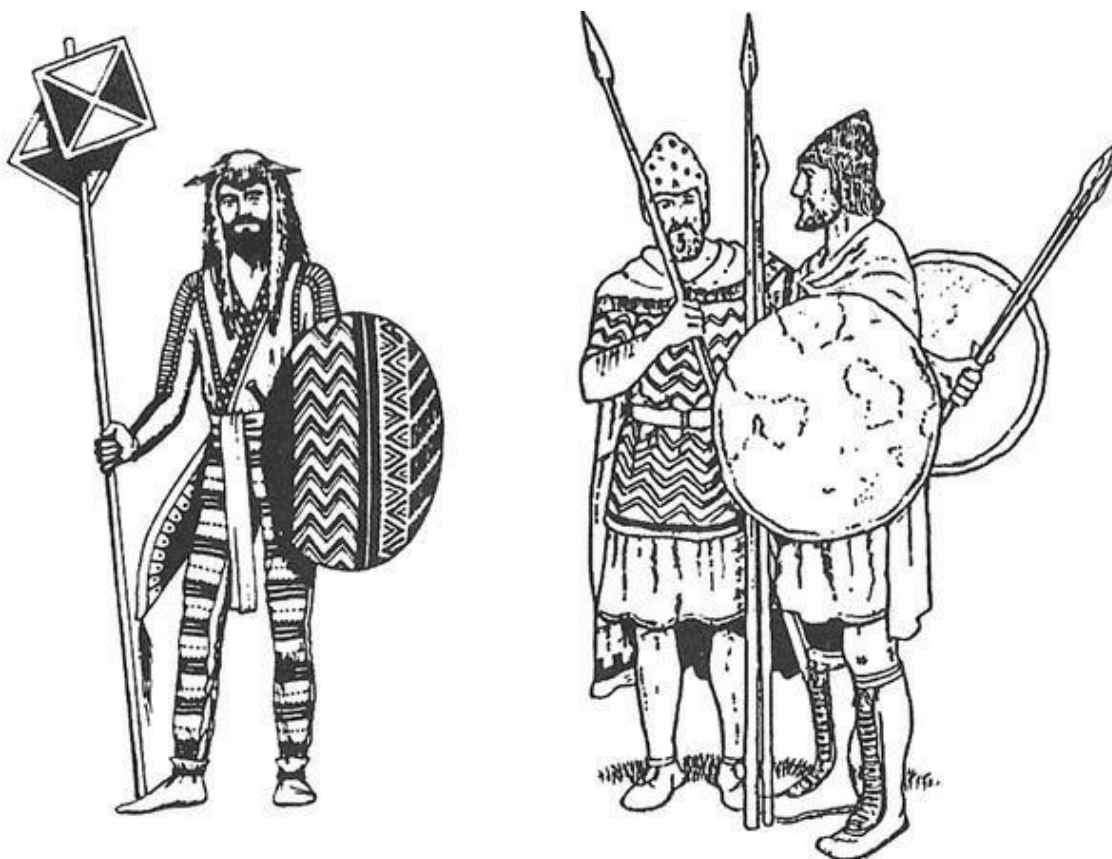

Рис. 7. Воины персидской армии

Описание побоища, которое произошло под стенами Сард, сохранилось у Геродота, именно от него мы узнали все подробности лидийской трагедии. «Битва началась, и лишь только кони почуяли верблюдов и увидели их, то повернули назад и надежды Креза рухнули». Однако недаром лидийские кавалеристы имели славу лучших воинов Анатолии. Эти испытанные бойцы не растерялись, а спрыгнули с коней и продолжили бой пешими, умело отражая персидский натиск. Но в данной ситуации всё уже решало не ратное мастерство, а численный перевес. А он был на стороне армии Кира. Отчаянно отбиваясь, лидийцы были вынуждены покинуть поле сражения и отступить в акрополь. Примечательно, но Геродот совсем не упоминает об участии в битве лидийской пехоты, что свидетельствует о её незначительном количестве.

Акрополь в Сардах, в котором укрылся Крез, возвышался посреди равнины на огромной горе и считался неприступным. Но для лидийского царя всё закончилось очень быстро. Несмотря на то что первый приступ осаждённые успешно отразили с большими потерями

для персов, из-за разгильдяйства стражи город был взят на 14-й день осады внезапной атакой. С пленным Крезом Кир обошёлся довольно милостиво и даже сделал своим советником. Зато лидийская аристократия, из которой формировалась знаменитая кавалерия, перестала существовать, и упоминаний об этой коннице мы больше не услышим.

Падение Лидийского царства автоматически привело к занятию персами всего Эгейского побережья Малой Азии. Расположенные там греческие города частично были взяты с бою, частично добровольно подчинились захватчикам, и лишь Милет сумел заключить союз с Киром.

Рис. 8. Кир Великий на колеснице

Покорение Вавилона стало звёздным часом персидского царя, это наивысший пик его военной и политической карьеры. Сама кампания была молниеносной, поскольку, начавшись весной 539 года до н. э., она закончилась в октябре этого же года взятием Великого города. Кир вновь явил себя миру прекрасным мастером маневренной войны, он сумел разделить вражеские силы и вступил в бой лишь тогда, когда ему это было выгодно. Сокрушив армию вавилонского царя, войска завоевателя осадили хорошо укреплённую столицу, но, как и в Сардах, всё закончилось неожиданно быстро. Кир овладел городом с помощью хитрости. По его приказу были отведены воды Евфрата, и ночью, по осушённому руслу, отряды персов проникли в Вавилон. Персидские воины распахнули городские ворота, и главные силы армии прорвались за крепостные стены. Столица пала, и Вавилонское царство перестало существовать. И теперь перед Киром замаячила новая цель, достойная того, чтобы он повёл туда свои непобедимые войска, – Египет.

* * *

Поход персидского царя Кира Великого против скифов (массагетов) выделяется на фоне остальных его военных предприятий не только своим неожиданным финалом, но и какой-то нелогичностью, не вписываясь в четкие планы завоевательных кампаний. Даже Геродот не смог дать ему логического объяснения, решив ограничиться лишь невнятной фразой: *«Много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего – способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем – счастье, которое сопровождало его во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчался Кир, не мог избежать своей участи»*. У Геродота нет разумного ответа на вопрос – зачем эти самые массагеты понадобились Киру.

О массагетах у Геродота достаточно информации, но она есть и у других античных авторов, они приводят данные, не противоречащие тем сведениям, которые сообщает историк из Галикарнасса. Курций Руф, автор «Истории Александра Великого Македонского», считает массагетов теми же самыми скифами, которые живут за Истром: *«Они занимают еще и другую область, прямо лежащую за Истром, и в то же время граничат с Бактрией, с крайними пределами Азии»*. Геродот довольно четко определяет место, где эти племена проживали: *«Так вот, с запада Кавказ граничит с так называемым Каспийским морем, а на востоке по направлению к восходу солнца к нему примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой огромной равнины занимают упомянутые массагеты, на которых Кир задумал идти войной»*. Точнее не укажешь, поскольку это территория современного Узбекистана и Казахстана.

Учёный-грек всячески подчеркивает общность массагетов с племенами скифов из Северного Причерноморья, указывает на идентичность обычаев и жизненного уклада: *«Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни... Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии»*. Я не случайно выделил последнюю фразу, на мой взгляд, она является ключевой для понимания дальнейших событий, связанных с походом Кира Великого. Но к ней мы вернёмся позже, а сейчас ещё несколько слов о массагетах.

В отличие от «европейских» скифов, которые имели очень тесные контакты с греческими колониями в Северном Причерноморье, их «азиатские» собратья таких связей не имели. Именно это имел в виду один из вождей саков, когда говорил Александру Великому: *«Я слышал, что скифские пустыни даже вошли у греков в поговорки. А мы охотнее бродим по местам пустынным и не тронутым культурой, чем по городам и плодоносным полям»*. Недаром те же эллины считали, что «азиатские» скифы были куда более дикими, чем их живущие на западе собратья.

Я уже отмечал, что античные авторы четко разделяли скифов на «европейских» и «азиатских», проживающих на территории Центральной Азии, которых называли дахами (даями). *«Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя. Все они в общей массе кочевники»* (Страбон). Как видим, географ особо выделил саков и массагетов, но Арриан, автор «Анабасиса Александра», прямо указывает, что *«саки – это скифское племя из тех скифов, которые живут в Азии»*. Древние историки использовали довольно услов-

ное деление саков на племена, одним из которых были саки-тиграхауда, или, как их ещё называли, скифы «в остроконечных шапках». Они проживали в предгорьях Тянь-Шаня, и именно против них и выступит Кир. Были также саки-парасугудам, «за Согдианой», которые кочевали в бассейне Аральского моря и низовьях Сырдарьи и Амударьи. Это им выпадет честь сражаться против войск Александра Македонского. И наконец, саки-парадарайя, «которые за морем». Но вот название ещё одного племени – саки-хаомаварга, т. е. «варящие хаому», может быть применительно ко всем названным выше племенам, поскольку хаому (дурманный напиток) варили все.

У Страбона сохранилось описание воинского снаряжения массагетов: *«Они прекрасные наездники и пешие воины; вооружены луками, мечами, панцирями и бронзовыми боевыми топорами; в сражениях они носят золотые пояса и головные повязки. Уздечки и перевязи у лошадей у них из золота»*. Также географ отмечает, что *«это люди самобытные, дикие и воинственные, однако при деловом общении честные и не обманщики»*.

В наши дни принято считать, что дахи (даи) – это общее название союза трех кочевых племён саков (массагетов), живших в Средней Азии в античную эпоху. Территорию, где они проживали, Страбон называет «Скифская Дахае», и располагает там, где обитали племена саков. Воины этих племен сражались в рядах армии Дария III против македонского нашествия, в частности, саки участвовали в битве при Гавгамелах. Затем они воевали против Александра Великого и его полководцев в землях Согдианы и на берегах реки Яксарт. В дальнейшем, в III в. до н. э., одно из племен дахов – парны, под главенством вождя Аршака, возвысилось над остальными племенами и вторглось в область Парфии, которая незадолго до того провозгласила свою независимость от Селевкидов. Именно парны основали могучее Парфянское царство, которое встанет стеной на пути вторжений захватчиков с запада и очью мощь разобьётся римский натиск на Восток.

* * *

Теперь рассмотрим причины, которые могли побудить Кира совершить поход на массагетов. Действительно, особой логики здесь на первый взгляд нет, ведь куда предпочтительнее выглядит война с Египтом. Но если скифский поход рассматривать в контексте Египетской кампании, то всё встанет на свои места. Персидский царь собирался идти в долину Нила и, соответственно, уводил с собой наиболее боеспособные войска, тем самым ослабляя границы своей громадной державы. В том числе и северо-восточные рубежи. Однозначно, что Кира не могла не тревожить ситуация, когда кочевые племена смогут воспользоваться этим ослаблением и начать делать набеги из-за Окса на его земли. Поэтому царь решил угрожать им вооружённой рукой, а если получится, нанести кочевникам такой урон, чтобы они надолго забыли о разбойничьих набегах. Ведь было неизвестно, насколько долго затянутся боевые действия против Египта.

Но на проблему можно взглянуть и с другой стороны, достаточно вспомнить фразу Геродота о землях массагетов: *«Зато золота и меди там в изобилии»*. Этот момент был наиважнейшим, потому что подготовка к походу на Египет требовала значительных средств. Персидский царь Кир не был последним, кто решил поправить свои финансовые дела за счёт скифов. Другой деятель подобного рода, Филипп II Македонский, тоже охочий до чужого добра и любитель решать свои проблемы за счёт соседей, пойдёт по той же дорожке, что и его персидский коллега. Правда, итоги его предприятия будут прямо противоположными.

Тем временем персидский царь развил бурную деятельность. Прежде чем объявить войну, Кир решил попробовать средства дипломатические, и к скифам отправилось царское посольство.

Царицей массагетов тогда была Томирис, и поскольку её муж умер, персидский владыка счёл возможным вести с ней переговоры на предмет сватовства, надеясь получить без боя то, что хотел взять военной силой. Геродот прямо указывает, что отказ от предложения Кира послужил поводом к войне: *«Однако Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов»*. Над кочевниками нависла смертельная угроза. Персидский царь был страшным и беспощадным врагом, и не было в тот момент во всей Ойкумене⁵ никого опаснее Кира Великого.

Царь объявил поход на массагетов, и огромная армия персов выступила на север. Войска подошли к реке Окс, за которой лежали вражеские земли, и здесь Киру предстояло перевести свои войска на другой берег. Но противодействие кочевников могло очень сильно осложнить переправу и привести к большим потерям. Примечательно, что здесь некоторую путаницу вносит Геродот, поскольку реку, через которую предстояло переправиться персам, он называет Араксом. Хотя из географического положения и сообщения Юстина однозначно следует, что это именно Окс – Амударья.

Между тем по приказу персидского царя через реку стали строить понтонные мосты, а подступы к ним защитили деревянными башнями. В любую минуту можно было ожидать атаки массагетов, и Кир хотел исключить угрозу внезапного нападения.

Но переправе никто не мешал, и персидская армия благополучно перешла на северный берег Окса. Геродот рассказывает о том, как во время строительства мостов к Киру явилось посольство от Томирис с советом прекратить боевые действия. Если же персидский царь желает продолжать войну, то она предлагала вступить *«спокойно в нашу страну, так как мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если ты предпочитаешь допустить нас в свою землю, то поступи так же»*. На мой взгляд, это сообщение, как и последующее совещание в шатре Кира, где присутствовавшие произносили очень длинные речи, носит легендарный характер и было вставлено греческим историком для того, чтобы выразить свою точку зрения на события.

Юстин не говорит ни о каком посольстве, а чётко указывает на то, что царица массагетов с самого начала была полна решимости дать бой захватчикам. *«Она не испугалась, как этого можно было ожидать от женщины, вражеского нашествия. Хотя Томирис могла бы помешать переправе врагов через Оке (Окс), она дала им возможность переправиться, считая, что ей легче сразиться в пределах своего собственного царства, а врагам будет труднее спастись бегством через реку, преграждающую им путь»*.

Между тем, не отрицая самого факта совещания, о котором говорит Геродот, можно усомниться в тех монологах, которые произносили участники достопамятного собрания. Вопрос переходить или не переходить Окс не стоял, поскольку не для того Кир мобилизовал лучшие силы страны, чтобы, постояв на берегу реки, уйти восвояси. Из всех пространных рассуждений, которым предавались присутствующие в царском шатре, можно сделать лишь один вывод. О том, что план кампании против массагетов был составлен персидским царём как раз на южном берегу Окса и именно этот план он потом пытался привести в исполнение.

Зато следует обратить внимание на замечание Геродота о том, что в этот момент Кир объявил своим наследником сына Камбиза, а его советником бывшего лидийского царя Креза. Мало того, отдавая себе отчет в том, что предстоящая кампания будет очень трудной, а с другой стороны, желая иметь надёжный тыл, царь велел сыну вместе с Крезом покинуть войско и оставаться в Персии. Благодаря царской предусмотрительности оба они останутся живы.

⁵ Ойкумена – так древние греки называли обитаемый мир.

Царь Кир против царицы Томирис

Лучше мужественно умереть, чем жить в позоре.
Сократ

Персидская армия переходила через Окс. По наведённым мостам, отряд за отрядом, войска Кира Великого шли через реку и сразу разворачивались в боевые порядки, опасаясь атаки массагетов. Хотя царица Томирис и обещала дать персам возможность спокойно переправиться, но Кир ей не доверял. И потому дозорные, стоявшие на боевых башнях, прикрывавших мост, до рези в глазах вглядывались в сторону пустыни. Но горизонт был чист, а на огромной равнине не было заметно ни единого движения. Царь столкновения со скифами не боялся, за свою боевую жизнь Кир воевал с самыми разными народами и всегда выходил победителем. Даже лидийская армия, лучшая армия в Малой Азии, не устояла против его бойцов. Ну а чем скифы лучше лидийцев? Персидский царь знал, что главная сила кочевников – в маневренности, и потому придумал, как он считал, довольно хитрый план, чтобы одним ударом покончить со скифами.

А войска шли и шли нескончаемым потоком по мостам через Окс, и казалось, что конца этому движению не будет. Наконец персидская армия закончила сосредоточение на северном берегу, и, убедившись, что его воины готовы к бою, Кир дал приказ выступать на север. По расчётам царя войска массагетов должны были находиться именно там. Ровно сутки он вёл войско вперед, а затем распорядился ставить лагерь – пришла пора приводить в действие царский план по разгрому неуловимых врагов.

По приказу Кира в лагере, словно напоказ были выставлены огромные запасы еды и вина, а также раскидано кое-что из вещей царя и его приближённых. Это должно было создать у скифских военачальников иллюзию того, что лагерь покинут в спешке, словно персы были в большой панике. Персидские разъезды разъехались по равнине в поисках скифских отрядов. Кочевники, узнав о том, что царские войска прекратили движение и остановились, тут же в немалом количестве ринулись к вражескому стану. Персидские наездники вступали в скоротечные бои с массагетами, которых становилось всё больше и больше, а сами тем временем незаметно отходили всё ближе и ближе к своим позициям. Будучи очень опытным военачальником, Кир понимал, что где-то рядом находятся главные силы скифов. Он решил, что пришла пора действовать, и под звуки боевых труб армия персов начала спешно сниматься с лагеря, быстро выдвигаясь в сторону Окса, создавая у врага иллюзию трусливого бегства.

Томирис и остальные скифские вожди клюнули на эту приманку, заглотнув наживку, которую им оставил персидский царь, и отрядили часть войска в погоню. Они не поняли его стратегического замысла, за что и поплатились. Третью войска массагетов под командованием сына царицы Спаргаписа ворвалась в покинутый вражеский лагерь. Но вместо того чтобы продолжить преследование неприятеля, скифы занялись грабежом, а потом, завладев оставленными запасами вина, банально перепились. Причём не просто выпили и поговорили у походных костров, а упились до невменяемости. Одни сразу замертво повалились на землю среди разбросанной добычи и остатков пиршества, а другие пустились в пляс вокруг костров. Ни о каких караулах, выставленных на случай внезапного появления врага, и речи не было, поскольку некому было отправлять бойцов в дозор. Ибо сам молодой предводитель войска спал в хмельном угаре, как и тысячи его воинов.

Пламя костров летело к звёздному небу, дикие выкрики пьяных кочевников оглашали равнину, и лишь когда над горизонтом появилась первая полоска зари, шум в лагере стал постепенно стихать. Тем временем возвратившиеся назад персы стали окружать массагетов.

Никто из скифов не почувал опасности, никто не поднял тревогу, и тысячи воинов Великого Кира без боя вошли в оставленный утром лагерь. Туда, где предавалась безудержному разгулу или вповалку лежала на земле треть вражеского войска. Эта атака на рассвете была быстрой и страшной, царские ветераны сотнями резали безоружных и беззащитных врагов. Они пронзали спящих копьями, ударами палиц и топоров разбивали кочевникам головы, кололи не способных к сопротивлению скифов дротиками и мечами. Всё это происходило быстро и стремительно, потому что некому было обратить внимание на врагов, которые молниеносно передвигались по лагерю, собирая кровавую жатву. Иссошённая солнцем земля пустыни превратилась в кровавую жижу, хлюпавшую под ногами царских воинов, продолжавших своё жестокое дело.

Рис. 9. Сакские воины

А когда персов заметили, то было уже поздно, наступило страшное кровавое похмелье, и что-либо исправить было уже нельзя. Напрасно ещё вчера грозные скифские воины пытались схватить своё оружие и вступить в бой с врагом, напрасно они пытались поймать своих коней и покинуть это проклятое место. Персидские лучники сбивали их меткими выстрелами, и поражённые стрелами массагеты снова валялись на залитую кровью землю. Остальных, ещё не очнувшихся от хмельного угара, персидские бойцы били древками копий и рукоятками мечей, валили на землю и опутывали верёвками. И лишь когда наступило утро, закончилась яростная бойня. Тысячи тел убитых кочевников лежали в лужах собственной крови, и не меньшее количество пленных сгоняли на окраину лагеря, где в окружении телохранителей сидел на коне победитель скифов – Кир Великий.

С одной стороны, царь мог быть доволен, ведь погибла треть вражеской армии, а он не потерял ни одного бойца! Но с другой стороны, Кир рассчитывал на то, что в ловушку попадёт всё скифское войско, а не какая-то его часть. И теперь ему предстояло решить, что же делать дальше. Однако когда персидский царь узнал, что в плен попал сын царицы Спар-

гапис, то он быстро сообразил, какая же это невероятная для него удача. Ведь теперь именно Спаргапис становился той приманкой, на которую владыка персов снова попыбует поймать вражеских вождей. А если ничего не получится, то такой ценный заложник никогда не будет лишним, поскольку теперь можно будет реально оказывать влияние на непокорных кочевников. Поэтому Кир велел отпустить одного из пленных и отправить его к Томирис, чтобы тот рассказал ей обо всём, что произошло.

Для царицы массагетов всё случившееся явилось страшным ударом, поскольку единственный сын оказался в руках жестокого врага, пришедшего поработить её страну и сделать свободных скифов рабами персов. Но её силе духа мог бы позавидовать любой мужчина, а ответ Томирис Киру был краток: *«Не силой оружия в честном бою, а вином и коварством одолел ты моего сына. Выдай его мне, а сам со своим войском убирайся к себе, или, **клянусь богом солнца, я напою тебя кровью!**»* Однако победоносный перс только посмеялся над этими словами. Враг понёс невосполнимые потери, сын Томирис у него в руках, а ему, Киру Великому, ещё и угрожают!

Но дальше всё пошло не так, как хотелось бы завоевателю. Как только Спаргапис протрезвел и пришёл в себя, он сразу же осознал весь масштаб случившейся катастрофы. Мало того что он сам угодил в плен к врагу и стал разменной монетой в отношениях скифов и персов. Как полководец, он нёс личную ответственность за гибель своих воинов, и оправдания подобной безответственности не было. То, что Спаргапис наплевательски отнёсся к своим обязанностям военачальника и вместо того, чтобы заняться делом, напился на радостях, как простой воин, покрывало его несмываемым позором. Он просто не знал, как будет смотреть в глаза матери, вождям и родственникам погибших массагетов. И выход из такой ситуации сын царицы видел только один. Обратившись к Киру, он попросил царя, чтобы его освободили от цепей. Владыка персидской державы после такой сокрушительной победы был настроен благодушно и, будучи уверен, что царевич никуда из его лагеря не денется, велел удовлетворить просьбу пленника. Но едва руки Спаргаписа оказались свободны, как он выхватил меч из ножен царского телохранителя и нанес себе смертельный удар. Мертвый царевич свалился на землю, освободив себя от позора, а мать от зависимости по отношению к Киру, тем самым давая массагетам возможность продолжить борьбу с завоевателями.

В какой же ярости находился персидский царь! Он клял себя за мягкотелость, поскольку всё его преимущество развеялось как дым и теперь ему надо было что-то делать, чтобы заставить неуповимых массагетов принять с ним бой. Зато Томирис, узнав о смерти сына, все свои силы направила на то, чтобы отомстить виновнику гибели Спаргаписа и нескольких тысяч скифских воинов. Месть Киру Великому становилась для неё делом чести. С этого момента начиналась война не на жизнь, а на смерть, где пощады никто не просит, а если и просит, то не получает.

Между тем у Кира была надежда, что царица массагетов в ярости от личной потери сразу бросит в бой свою конницу и ему удастся разгромить скифов в правильном сражении. Однако ему доложили, что войско Томирис не стало вступить в битву с персами и начало отступление. Вполне возможно, царь мог посчитать, что скифские вожди после бездарной гибели стольких воинов не надеялись на победу. Но здесь перед Киром Великим во всей остроте встал вопрос: а что делать дальше? Начать преследовать массагетов или же вернуться за Окс?

С одной стороны, он нанёс врагу страшное поражение и преподал кровавый урок, от которого скифы не скоро оправятся. Было захвачено огромное количество пленных, а значит, можно явиться домой победителем и спокойно готовиться к походу на Египет. Но с другой стороны, скифы сейчас ослаблены, как никогда, поэтому у Кира есть все шансы добить их окончательно и навсегда замирить северную границу своих владений. Тщательно взвесив все за и против, царь решил продолжить поход, резонно полагая, что второго такого шанса

у него может и не быть. К тому же он понимал, что Томирис всё равно будет мстить персам за сына и война со скифами в этом случае может затянуться до бесконечности. Поэтому огромная армия персов двинулась за уходившими на восток массагетами, а пленных, сковав цепями, отправили за Окс, во владения Кира Великого.

* * *

Скифы отступали, а персы их догоняли, поскольку Кир пребывал в твёрдой уверенности относительно того, что враг сильно ослаблен и боится вступать с ним в бой. Царь знал, что массагеты – прекрасные наездники, отлично владеют луком и вся их тактика строится на массированном использовании конных лучников. Что излюбленным местом боя для скифов являются широкие равнины, где они могут развернуть свою кавалерию. Где возможна свобода широкого маневра большими конными массами и всегда есть пути отступления. А поскольку в данный момент местность вокруг была соответствующая, то по приказу Кира были усилены дозорные отряды, которые рыскали вокруг наступавшей армии. Потому что угроза внезапной атаки со стороны массагетов была вполне реальна, невзирая на то что они отступали. Быстрым кочевникам ничего не стоило неожиданно напасть на персов, обстрелять их из луков, а затем снова скрыться в бескрайних степных просторах.

Рис. 10. Царь Кир Великий

Но скифы и не думали нападать, они по-прежнему уходили на восток, спасаясь от грозного царя и надеясь на быстроту своих лошадей. Конные разъезды массагетов лишь иногда сталкивались с персидскими разведчиками, однако после коротких стычек сразу обращались в бегство, отстреливаясь на скаку от преследовавших их ликующих победителей. Но вскоре на горизонте замаячили вершины гор, и Киру доложили, что вражеские войска уходят через ущелье. Судя по всему, страх скифов перед царём был так велик, что они побросали свою поклажу, лишь бы скорее миновать этот горный проход.

И снова перед Киrom дилемма: идти или не идти через горы, проводить армию через ущелье или нет? С одной стороны, этот переход может быть очень опасен, поскольку в случае нападения армия персов будет уязвимой для вражеских атак. Но с другой стороны, как массагеты развернут в ущелье свою знаменитую кавалерию, где их конные лучники будут маневрировать на своих быстрых лошадях? Если враг и постарается дать бой армии Кира Великого, то только на выходе из горного ущелья – там и конных стрелков можно развернуть, да и отступить есть куда в случае неудачи. То, что его армии придётся сложно, поскольку при выходе из теснин на равнину её придётся по ходу марша разворачивать в боевые порядки, подвергаясь при этом скифским атакам, Киру было понятно.

Но дело в том, что и сами персы являлись прекрасными лучниками, а ещё в состав царских войск входили отряды метателей дротиков, пращников и копьеметателей. Поэтому у Кира было кого противопоставить конным стрелкам массагетов. Понимая, что другого шанса вступить в битву с убегающим врагом может и не представиться, царь распорядился продолжить преследование скифов. Персидское войско двинулось в горы.

* * *

Гигантской лентой, словно огромная змея, втягивалась в ущелье армия Кира. Посланные вперёд разведчики докладывали, что путь пока свободен и врага не видно. Эти донесения ещё больше укрепляли царя в мысли, что бой будет на выходе из горных теснин. Персидское войско шло через горы, двигаясь по следам отступающих скифов, но вскоре темп движения резко замедлился, поскольку ущелье было довольно узким. Армия Кира перемещалась через горный проход уже добрую половину дня, когда прискакавшие разведчики доложили, что путь дальше перегорожен завалами. В принципе, царь удивлён не был, он даже ожидал чего-то подобного, поскольку предполагал, что массагеты постараются всячески замедлять продвижение его войск. Поэтому Кир остановил армию и отправил передовой отряд разбирать неожиданную преграду, рассудив, что, пока одни трудятся, другие пусть отдохнут от трудного перехода. Но передохнуть не удалось.

Над ущельем раздался громкий рёв боевых рогов массагетов, и тысячи вражеских воинов появились на гребнях гор, окружающих теснину. Это было настолько неожиданно, что растерялись не только простые воины и командиры персидской армии – растерялся сам Кир. В это время скифы натянули свои тугие луки и ливень стрел со всех сторон обрушился на завоевателей. Не успевшие изготавиться к битве персы тысячами повалились на камни, и первая кровь оросила землю. От второго залпа персы попытались прикрыться щитами и укрыться за камнями, но смертельный дождь, падающий с неба, вновь нанёс им страшные потери, поскольку воины Кира стояли слишком плотной массой. Но царь уже оправился от растерянности, ибо за свою боевую жизнь навидался всякого. Он начал действовать быстро и решительно.

Кир сразу сообразил, что если армию разворачивать назад и начинать выводить из долины, то вряд ли кто из его воинов выйдет отсюда живым: их всех просто перестреляют

при отступлении. Потому и принял единственное возможное решение – вступить в навязанный ему бой, чтобы разгромить скифов. В конце концов, он сам к этой битве стремился. Правда, произошло это не так, как царь планировал, но выбора у него не было, сейчас всё решала быстрота действий. Раздались громкие команды, и сразу же из рядов персидского войска выдвинулись тысячи лучников, взбежав вверх по склону, они вступили в перестрелку со скифами, прикрыв беззащитную колонну. Подоспевшие пехотинцы закрыли своих стрелков большими плетёными щитами, а отряды пращников и метателей дротиков пошли в атаку на массагетов. Лучники Кира были прекрасными стрелками, скифы один за другим стали падать, сражённые стрелами, и скатываться вниз по каменистым склонам. В это же время легковооружённые персы взобрались на горы и забросали врагов дротиками и камнями. Царю на какое-то мгновение показалось, что кочевников удастся сбросить с гребня. Но персидская атака захлебнулась, скифы прицельно перестреляли большинство не защищённых доспехами пращников и метателей дротиков, и те из них, кто уцелел, в панике покатались назад, под защиту плетёных щитов.

Но самое худшее произошло чуть позже, когда массагеты зажгли свои стрелы и открыли прицельную стрельбу по большим щитам персидской пехоты. Сплетённые из прутьев и иссушённые знойным солнцем Азии, щиты ярко полыхнули в руках своих хозяев. В панике воины Кира бросали их на землю, но тут же становились беззащитными от падавшего с неба смертельного дождя. Один за другим валились персы на тела своих павших товарищей. А ливень стрел не прекращался ни на минуту, чёрный дым от горевших щитов поднимался к небу, и царские воины стали разбегаться по узкой долине, надеясь спастись от неминуемой смерти. С гор на них скатывали огромные валуны, которые, устремляясь вниз, десятками давили людей и калечили лошадей. Войскам Кира было негде развернуться, и потому редкий камень или стрела не находили своей цели. А несколько атак вражеской тяжелой пехоты вверх по склону скифы легко отразили, расстреливая, не сходя с места, набегавших на них царских воинов.

Но хуже всего было то, что у персидских лучников стали заканчиваться стрелы, а массагеты, подготовившись заранее, в них недостатка не испытывали. Кир понял, что если сейчас он не найдёт решения, которое кардинально изменит ход битвы, то вся его армия будет обречена на смерть, а вместе с ней и он сам. Царь стоял в окружении телохранителей, закрывавших владыку щитами от стрел, и наблюдал, как сотнями гибнут его ветераны. Персы были бессильны нанести врагу какой-либо существенный урон, зато всё ущелье было завалено их мёртвыми телами. Шансы на спасение таяли с каждой минутой. И тогда Кир Великий вытащил из ножен меч и, прикрываясь щитом, лично повёл войска в атаку, надеясь, что теперь никто назад не побежит. Вся персидская армия, словно гигантская приливная волна, в едином порыве хлынула на горный склон. Но массагеты не дрогнули, они остались на позициях и, стоя во весь рост, продолжали меткими выстрелами выбивать царских воинов. Мало того, теперь с противоположного склона гор скифы поражали в спину поднимающихся по откосу персов. Но те, ведомые своим легендарным царем и полководцем, продолжали идти вперёд. Последний залп массагеты дали почти в упор, скосив передние шеренги атакующих, а затем, отбросив в сторону луки, схватили копья, секиры, короткие мечи и лавиной ринулись вниз, навстречу персам.

Два потока столкнулись на горном склоне, и началась страшная рукопашная схватка. Скифов сжигали чувство мести и праведный гнев, персы бились за свою жизнь. Рубились долго и упорно, никто не уступал, но, когда исколотый копьями Кир повалился на землю, его воины дрогнули. Сначала тоненькие ручейки беглецов потекли вниз по склону, постепенно их становилось всё больше и больше, а затем словно рухнула плотина, и остатки некогда грозной армии обратились в бегство. Вся эта толпа бросилась бежать в сторону выхода из

ущелья в надежде выбраться из проклятых теснин, где погибла слава персов. За ними с боевым кличем гнались массагеты, сумевшие обратить доселе непобедимого врага в бегство.

Пленных не брали, безжалостно вырезая всех подряд – и персидскую знать, и простых воинов. Пришельцам мстили за всё: за наглое вторжение на свою землю, за погибших и увёдённых в плен родичей, за свою царицу. Надежда на спасение покинула беглецов, когда теснины содрогнулись от грохота копыт тяжёлой конницы массагетов, которая вошла в ущелье с другой стороны и теперь мчалась им навстречу. Для персов всё было кончено.

* * *

Царица Томирис стояла на склоне горы и смотрела вниз, на заваленное человеческими телами и конскими трупами ущелье. Десятки тысяч персов, истыканных стрелами, исколотых копьями, изрубленных мечами и секирами, станут добычей хищников, которые терпеливо ждали своего часа, чтобы наброситься на мертвечину.

Рис. 11. Царица массагетов Томирис опускает голову Кира в наполненный кровью кожаный мех. Рис. А. Цик, грав. Р. Бонг

Двое скифских воинов, сгибаясь под тяжестью ноши, тащили вверх по склону грузное тело персидского царя. Бросив его к ногам повелительницы, они отошли в сторону, и Томирис наконец увидела того, кто убивал её народ, того, кто лишил её самого дорогого на свете – сына. Она долго смотрела на поверженного врага, а затем кивнула своему телохранителю. Рослый массагет наступил ногой на тело владыки Азии и, несколько раз взмахнув акинаком, отделил его голову от туловища. Царица взяла её за спутанные окровавленные волосы и, высоко подняв, показала стоявшим рядом скифам. **«Ты хотел крови,** – крикнула она, глядя в мёртвые глаза повелителя персидской державы, **– так напейся её досыта!»** И с этими словами, под восторженный рёв тысяч своих воинов, она опустила в наполненный кровью бурдюк голову Кира Великого.

Печальные итоги

Свершивший да несет последствия дел своих.

Эсхил

«Массагеты доказали в войне против Кира свое мужество, которое многие часто восхваляют», – подводит итог противостояния Страбон. Война, которая началась для Кира очень успешно, закончилась сокрушительным разгромом персидской армии. В начале кампании царь действовал очень уверенно и грамотно, поэтому и достиг впечатляющих результатов. Это касается военной хитрости Кира с брошенным лагерем. Очень многие полководцы после него прибегали к подобным уловкам. Дарий I, Ганнибал, Спартак, Митридат, римляне – кто только не использовал уловку с покинутым лагерем и этим оборачивал вражескую жадность и непредусмотрительность себе на пользу! Так что в том, что скифы накнулись на оставленный неприятельский стан, нет ничего удивительного: не они первые, не они последние попали в подобную ловушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.